

*Ввязаться в игру —
значит идти
до конца*

.....

Кайя Асмодей

соперница интриганки

.....

● роман-искушение

*Посвящается новому поколению,
рожденному, чтобы найти
свою любовь*

Annotation

Стефания окончательно возвращается в Петербург, где проучилась весь прошлый год, где больно обожглась и разочаровалась в дружбе и любви.

Для Лии, главной интриганки школы, это возвращение обернется настоящим кошмаром. Стефания открыто заявила о намерении бороться за любовь, и главным оружием станет личный дневник интриганки, которую ждет разоблачение. Стефания намерена сорвать лицемерную маску добродетели с обидчицы в надежде, что парень, в которого они обе безнадежно влюблены, бросит соперницу. Но чем отчаянней девушка сражается за свою любовь, тем страшнее ей становится. Она мечтала спасти друга, даже не подозревая, что ее саму от него уже никто не спасет!

Кайя Асмодей

Соперница интриганки

© Асмодей Кайя

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Посвящается человеку, благодаря которому в моей шкатулке с детскими воспоминаниями столько драгоценностей, что своим сиянием они могут затмить золотой шпиль Петропавловской крепости в солнечный день. Моему отцу.

Глава 1

Идеальный друг

Я поднималась по лестнице на четвертый этаж, мое сердце стучало где-то в горле, причиняя боль при каждом вздохе. У знакомой до мелочей двери – серой с блестящей ручкой – я остановилась и потянулась к звонку. У меня тряслись руки. Я примчалась сюда сразу после школы, не успев даже переодеться, без хорошо продуманного плана, без заготовленной речи, в полном смятении, с одной лишь надеждой, что Денис еще ничего не знает.

Я поправила вырез нежно-зеленой кофточки, пригладила серую узкую юбку, глубоко вздохнула и решительно нажала кнопку звонка – раздалась птичьих трели. Я затаила дыхание. За секунды ожидания у меня в голове пронеслись десятки вариантов развития событий. Я падаю на колени и умоляю его снова меня простить. Я веду себя как ни в чем не бывало, пока он сам не обрушит на меня свою ярость. Я... я... я...

Дверь никто не открыл. Я стояла перед ней, разочарованная и напуганная. Пока кто-то не тронул меня за плечо.

– Лия, – раздалось позади.

Я резко обернулась и увидела его мать. Моложавую темноволосую женщину с серыми прекрасными, в точности как у сына, глазами. Она всегда была строго и стильно одета и пахла ягодно-медовыми духами «Poison» от «Диор».

Сейчас на ней была синяя юбка-карандаш, классические туфли-лодочки, белая блузка и жакет в тон юбке.

Ольга Константиновна с удивлением смотрела на меня, я пробормотала:

– Здравствуйте. Я к Денису. Его нет? Он в институт поехал?

В моем голосе сквозила паника, но, кажется, женщина ничего не поняла.

– Нет, в институт ему через неделю. А ты разве не знаешь? Стефания вернулась. Они гулять пошли.

– Стефа... – выдохнула я, – знаю, конечно, мы в школе виделись.

Как же ей удалось меня обогнать?

– Позвони ему, – предложила Ольга Константиновна, – странно, что вы разминулись, они где-то у школы договорились встретиться.

Какая предусмотрительность со стороны этой деревенщины. У нее было целое лето, чтобы все спланировать. А я оказалась совершенно не готова.

Кивнула и солгала:

– Я задержалась после уроков, – достала телефон и махнула им. – Созвонюсь с ним. До свидания, Ольга Константиновна.

Ее неподдельная радость от возвращения Стефании больно меня задела. Конечно, Стефа вытащила ее сына-инвалида из дома и помогла жить дальше, Ольга Константиновна будет до конца своих дней ей благодарна, но... Я бы сделала все то же самое для него, если бы он только мне позволил!

Я вышла из парадной и присела на скамеечку. Нет, позвонить Денису я не посмела. В эту самую минуту Стефания наверняка презентует ему мой дневник с грязными секретами. Денис узнает, как я в сговоре с его братом использовала Стефанию – его лучшую подругу, – и нашим с ним отношениям придет конец.

Какая ирония. Стефания, которую я применила, точно клей, чтобы склеить свое разбитое с Денисом счастье, теперь для этого хрупкого счастья главная угроза. И отправить ее назад в Харабали, похоже, не вариант.

Я некоторое время перебирала контакты, наконец, нашла в них имя «Данила» и набрала. Он ответил не сразу, а когда я услышала в трубке его недовольный голос, то без приветствия сказала:

– Встречаемся через пятнадцать минут на Банковском мосту. Это срочно.

– Лия? Какого фига ты...

Я отключилась и встала со скамейки. Мы с Данилой в одной лодке, как выяснилось – дырявой. И какую бы антипатию мы ни испытывали друг к другу – общая беда, как известно, объединяет. Сегодня он не работал в нашем школьном бассейне, поэтому находился в блаженном неведении, что его бывшая пассия вернулась, чтобы нам мстить.

Я добралась до Банковского моста и остановилась у грифона с золочеными крыльями. На лапах грифонов от бесконечных прикосновений туристов облупилась краска, и они были гладкими-гладкими. Говорят, если потереть их и загадать желание, оно непременно сбудется.

Я закрыла глаза, прикоснулась к лапе, сосредоточилась и загадала: «Только бы Денис не бросил меня из-за чертового дневника!»

И тут над самым моим ухом раздалось:

– А я думал, со всеми своими желаниями ты обращаешься напрямую к лучшему другу – сатане. Грифоны? Лия, это несерьезно!

Я распахнула глаза и обернулась. Передо мной стоял Данила, одетый в темно-синие джинсы, белую футболку и сине-белую ветровку, которая создавала видимость, что его и без того широкие плечи просто необъятны. Русые, чуть выющиеся волосы трепал ветерок, серые глаза, светлее, чем у Дениса, и с голубыми вкраплениями, смотрели на меня с недовольством.

Мой взгляд упал на его салатовые кроссовки, и я выдохнула:

– Что за нелепое сочетание?

Он тоже опустил глаза, взглянув на свои кроссы, и лениво уточнил:

– Это и есть срочное дело? Хочешь стать моим личным стилистом?

– Стефания переехала в Петербург, – сказала я.

Данил перестал улыбаться, облокотился на перила моста и, поблуждав взглядом по колоннам Казанского собора, проронил:

– Я не стану с ней крутить любовь, если ты об этом. Мы с Деном помирились, пусть Стефа живет своей жизнью.

– Все не так просто. Помнишь мой дневник?

– Еще бы. Столько проблем от него!

– Перед отъездом Стефы Кира с Вовой украли у меня этот дневник и от моего имени подарили Стефании.

Данила пожал плечами, он все еще не понимал.

– Ну и что? Лия, твой мерзкий дневник Стефа уже читала, его читал я, читал Денис – и вся школа. Это в прошлом.

Я тоскливо вздохнула.

– Да, если бы я его не дописала...

– Ты что? – потрясенно переспросил он и внезапно охрипшим голосом уточнил: – Ты ведь не писала ничего...

– Писала! – оборвала я. – В нем – все.

– О-о-о... – Данила задрал голову к небу и так несколько секунд стоял. А потом уставился на меня как на врага и процедил: – Вот тебе это надо было, писатель ты наш!

Я виновато опустила глаза и прошептала:

– Они гуляют сейчас вместе. Дань, она отдаст ему дневник. И Денис меня бросит.

– И правильно делает! – рыкнул Данила. Мы помолчали, и он, видимо сжалившись, проворчал: – Слушай, может, она не собирается отдавать ему этот дневник? Стефа не такая, как мы с тобой... она лучше и добрее!

– Ты сейчас говоришь о девушке, которая растиражировала мой дневник по всей школе!

– Тогда она мстила не тебе, не мне и не Денису, она думала, что дневник принадлежит Кире, которая ее унижала. Это не считается.

– Дань, Стефа в ярости, в школе она дала мне понять, что размажет нас по стене за то, как мы с ней поступили.

– И что ты предлагаешь мне? Снова признаться ей в любви и предложить встречаться? Ну не мой она тип девушки!

Я покачала головой.

– Боюсь, ты ее больше не интересуешь.

Данила кривовато усмехнулся:

– Да ладно?!

– Она влюблена в другого, Данила. Ее цель не ты.

– А кто?

– Денис.

Данила некоторое время потрясенно смотрел на меня, потом еле заметно кивнул. Он быстро справился с изумлением. Похоже, такая вещь, как любовь Стефании к Денису, была очевидна всегда, просто ни Даня, ни я никогда об этом глубоко не задумывались. Стефа встречалась с Данилой, а с Денисом у нее были дружеские отношения, и она повода не давала усомниться в искренности своих чувств.

– Но Ден любит тебя, – напомнил Данила.

– Мы совершили ошибку, – тихо сказала я.

– Когда использовали Стефу?

– Когда недооценили ее!

Данила развел руками.

– И каков твой план? Ты ведь не планируешь отдать ей своего парня без боя?

– У меня нет плана.

Данила приподнял брови, ожидая, что я еще что-то скажу, и я добавила:

– Пока нет.

Он засмеялся.

– Хорошо знаю это твое выражение лица. С ним ты выходишь на охоту.

– Пожелаешь мне удачи? – уточнила я.

Данила покачал головой.

– Разделаться с девочкой из деревни... Нет, Лия, удача тут не нужна. Уверен, ты справишься.

Я передернула плечами и, не прощаясь, зашагала прочь. Но он меня окликнул. Я обернулась.

Данила почему-то смотрел на меня с непонятной грустью.

– Ты никогда не думала, что он просто не для тебя? Может, судьба снова и снова пытается тебе это показать? А ты упрямисься!

– А ты никогда не думал, что каждый человек – сам для себя – и есть судьба! Я не привыкла полагаться на случай и ждать милости небес. Если мне что-то нужно, я просто иду и беру. И это моя судьба. Денис нужен мне.

Данила обезоруживающе улыбнулся.

– Бедный Ден, в ваших бабских разборках он точно модные брючки на распродаже. – Парень на прощание приподнял руку и помахал мне.

Я уже сделала пару шагов по мосту. Но вспомнила кое-что и остановилась.

– Ах да, кстати... – Я улыбнулась ему через плечо. – В этой войне лучше бы тебе, Вержбицкий, играть на моей стороне. Если подставишь меня, я превращу твою жизнь в ад.

– Ну что ты, солнышко, мне духу не хватит играть против тебя.

В его словах сквозила неприкрытая ирония. Ну что ж, я его предупредила.

А теперь самое время пойти домой, выпить чаю, послушать музыку и решить, что мне делать с этой поганкой, прикатившей из деревни с большими планами на моего парня!

* * *

Мы шли по набережной, шутили и смеялись, совсем как раньше. Но я-то знала, что все по-другому. Может, я для него все та же забавная подружка Стефа из далекого города, веснушчатый рыжик, забавный упитыш. Хотя за лето я заметно постройнела и даже немного вытянулась.

Но он-то для меня куда больше, чем друг. Несмотря на то, что приехала в Петербург полная решимости, позвонить Денису я боялась больше двух недель. Мне казалось, что он поймет все сразу, как только заглянет в мои влюбленные васильковые глаза. Но первое сентября неумолимо приближалось, и мне пришлось действовать. Я позвонила ему накануне и назначила встречу сразу после занятий, чтобы Лия не успела его перехватить. И попросила не рассказывать никому о моем приезде, солгав: «Хочу сделать всем сюрприз». Денис искренне в это поверил. Он же понятия не имел, что, кроме него, мне никто здесь больше не рад.

Впрочем, я это смогла пережить. Теперь для меня имело значение лишь одно: Денис был счастлив меня видеть. Он не обиделся даже, что, укатив в Харабали на все лето, я не выходила с ним на связь. Мои сбивчивые объяснения в духе: «Я знала, мы больше никогда не увидимся, и хотела жить дальше», – его устроили.

Я взглянула на букет огромных солнечных ромашек у меня в руках и коснулась носом шелковистых лепестков. Щеки обжег румянец. Я не ожидала, что Денис встретит меня после школы с цветами. Он был неотразим. В кремовых брюках на белом ремне, обтягивающей черной футболке и в белых кедах. Он подкачал торс, возмужал и вырос на целую голову. От него головокружительно пахло тем самым парфюмом «Pipe Dream», что преследовал меня все лето. Благородный, изысканный, совершенно особенный аромат, в котором хотелось раствориться.

О, сколько раз за лето я представляла нашу встречу. Мне хотелось, чтобы все было идеально. Я заготовила сотню фраз и отрепетировала жесты и улыбку. Но на деле, когда я увидела его, стоящего с цветами, я задохнулась, сердце зашло в бешеном галопе, внутри все

затрепетало, мои щеки разрывало от бестолковой улыбки, и я не могла вымолвить ни слова.

Даже в дизайнерском платье я чувствовала себя неуклюжей девчонкой, одетой в малиновую водолазку, бабушкин вязаный жилет и черные туфли со стертymi носами.

Я просто обняла Дениса, чтобы он не видел мою красную от счастья физиономию. А он подарил мне цветы и шепнул:

– Ну, здравствуй, львенок!

От этого ласкового прозвища, которое он мне дал наверняка из-за сильно отросших волос, развевающихся, точно грива, у меня внутри стало тепло-тепло. А может, он так назвал меня, потому что по знаку Зодиака я Лев?

Вот и все. И стоило ли ночами репетировать? Стоило, конечно, стоило. Ведь эти мечты о нашей встрече и репетиции делали меня такой счастливой.

А он отметил:

– Шикарно выглядишь.

Я смущенно потупилась. И отругала себя. Ну разве орлица, готовая к битве за свою любовь, станет прятать глаза, точно мышонок?

На мне было синее платье с белым воротничком и белыми обшлагами на длинных рукавах, белые колготки, черные туфли на каблуке. Волосы распущены, на плече висела на позолоченной цепочке черная сумка.

Денис остановился перевести дыхание и оперся на каменный парапет, прислонив к нему костыли. Лечение прошло не так успешно, как он рассчитывал, и ему по-прежнему были нужны костыли, пусть он и ходил куда увереннее и не так быстро выдыхался, как прежде.

– Как твой папаша? – поинтересовался Денис, проводя пальцами по кудрявым непослушным волосам.

Меня так и подмывало протянуть руку и коснуться их. Наверное, они пружинистые и мягкие... Но я лишь спрятала руки за спину.

– Позавчера была у него. Он заказал еду из ресторана. Мы поужинали, и он проводил меня до дома.

– Большая удача, что вам удалось купить квартиру в соседнем доме. Квартиры в нашем районе стоят бешеных денег.

– Андрей подсуетился, – призналась я. – Жилье он купил. А наши деньги пошли на ремонт, их бы все равно хватило только на убитую студию в пригороде.

– Алименты за всю твою жизнь, – рассмеялся Денис. – И что, ваши отношения не потеплели?

Я пожала плечами.

– Да вроде нет. Ты считаешь, я должна теперь при каждой встрече кидаться ему на шею с криками «папочка», раз он купил для меня квартиру?

Денис задумчиво воздел свои туманные глаза к небу.

– Знаешь, студентки и за меньшее к папикам кидаются на шею с какими угодно криками... лишь бы они купили им машину, квартиру!

– Я так не могу, – покачала головой, – тогда получится, как будто он купил не квартиру, а меня.

Денис легонько пихнул меня плечом.

– Неподкупная моя!

У меня мурашки побежали по спине от того, как он произнес «моя». А потом по телу

разлился жар. Ну как я могла провести рядом с ним целый учебный год и не понять, что от его улыбки у меня слабеют ноги, а в пальцах покалывает от нестерпимого желания прикоснуться к его волосам!

Мы неспешно двинулись по набережной. И я словно невзначай спросила:

– Как у тебя с Лией?

И перестала дышать, ожидая ответа.

Денис ответил без промедления, чем сильно меня разочаровал:

– Все отлично.

Я наигранно засмеялась:

– Больше не интригует?

Денис поморщил нос:

– Нет. Игры в прошлом. Она держит свое обещание.

– Что за обещание? – заинтересовалась я.

– Она не интригует, а я ее люблю.

– А будет интриговать, разлюбишь? – весело спросила я.

И он очень серьезно сказал:

– Мне не по пути с девушкой, которая не может побороть комплекс Бога.

В этот самый момент я поняла, что Лия очень скоро совершит ошибку и сама преподнесет мне своего парня, нужно лишь набраться терпения. Я, конечно, думала, как лучше отдать Денису дневник Лии, где она предстанет в истинном свете. Это был довольно быстрый способ развести сладкую парочку. Но он не гарантировал того, что из объятий Лии Денис кинется в мои. Ведь в его глазах я буду той, кто не из дружбы раскрыла ему глаза на любимую девушку, а из собственных корыстных интересов. Лия, естественно, не знала, что я мечусь в своем решении, отдать ли Денису дневник. И она боялась. Я все четыре урока наблюдала ее затравленный взгляд, обращенный на меня. Этот взгляд меня необычно грел. Страх в ее прозрачно-голубых глазах был самой лучшей наградой для меня – столько вытерпевшей по вине этой дряни.

– Ну а ты? – покосился на меня Денис. – Когда обрадуешь Даню?

Я повела плечом.

– Мы встретимся в бассейне на занятии. Как тренер и ученица. У него своя жизнь, я в нее лезть не хочу.

– Три месяца разлуки для настоящих чувств – это не срок.

– Может, они не были настоящими, – улыбнулась я.

– Хочешь, я с ним поговорю? Прощупаю почву! Будем, как прежде, гулять вчетвером.

Было же здорово!

«Как прежде не будет. Ведь я люблю тебя», – мысленно возразила я, а вслух сказала:

– Не стоит. У него наверняка кто-то есть...

Меньше всего мне хотелось, чтобы Денис пытался свести меня со своим лицемером-братом. Для меня он в прошлом.

– Пойдем ко мне? – предложила я.

– А что, у тебя есть торт? – усмехнулся Денис и тихо прибавил: – Как раньше!

– Посмотришь мою новую квартиру! А торт – теперь редкий гость в моем меню!

Денис скользнул по мне оценивающим взглядом.

– Ты похудела. Даже неинтересно теперь.

Я возмущенно шлепнула его по плечу.

– Тебе лишь бы меня подкалывать!

Он засмеялся.

Уговаривать его пойти ко мне долго не пришлось. Правда, я заметила, что он озабоченно поглядывал на свой смартфон, словно ждал звонка. Наверняка от Лии. Я-то знала, почему она трусливо затаилась, а он не понимал этой странной тишины с ее стороны, может, даже беспокоился. У меня это вызывало досаду. Я упрямо не желала заговаривать о его девушке и потому делала вид, что ничего не замечаю. Но кое-что я успела понять: Денис счастлив. За все время, пока мы были вместе, он ни разу не вспомнил с прежней угрюмой иронией о том, что он инвалид. Он стал свободнее, беззаботнее, увереннее и веселее. Он был остроумным, очаровательным, галантным и таким красивым, что у меня сердце заходило в сумасшедшей агонии всякий раз, как он задерживал на мне взгляд чуть дольше, чем обычно.

Даже когда уезжала в Харабали, он не был таким. Три месяца изменили его. И эти перемены мне безумно нравились. Я понимала, что благодарить за них нужно Лию, которая своей сумасшедшей любовью вселила в него уверенность. Но мне не нравилось думать об этом. Ведь я должна буду отбить у Лии Дениса. Или не должна?

Впервые у меня закрались сомнения. Я тут же их отмела. Именно я вытащила Дениса из его скорлупы, куда он спрятался после травмы и не хотел никого видеть. Лии благодаря мне уже было с чем работать. Она воспользовалась моими достижениями. Так почему я не могу воспользоваться тем, чего добилась за лето она?

Слышала бы меня лучшая подруга! Если я уведу у Лии Дениса, Таня будет презирать меня до конца моих дней. Да, она знает, сколько гадостей сделала мне Лия, но также ей известно, что Лия любит Дениса. И когда я уезжала из Харабали, Таня мне сказала: «Теф, одно дело – расквитаться с Лией за ее лицемерие, и совсем другое – уничтожить ее, потому что тебе нужен тот, кого она беззаветно любит». Таня считала, что месть, хоть и одно это слово было ей противно, месть должна затрагивать лишь Лию. Если я разрушу ее отношения с Денисом, то пострадает и сам Денис. А это несправедливо.

Может, она права. И у нас дома понятие справедливости было другим. А здесь – у каждого своя справедливость, настолько удобная, насколько позволит полное отсутствие совести.

Мы подошли к моему новому дому, он стоял чуть дальше по улице от дома отца и дома Дениса, чей дом был напротив.

– Теперь мы не сможем пить чай на наших балконах и видеть друг друга, – вздохнул Денис, пока мы поднимались по лестнице до третьего этажа.

Я открыла дверь, и мы вошли в прихожую. Мама заплатила бригаде строителей, и нам сделали, по моим меркам, шикарный ремонт. Подвесные потолки. Я хотела небо, но отец отговорил, сказав, что это вычурно. Все, что нам с мамой нравилось, Андрей называл аляповатой деревней. В конце концов мы положились на его вкус, и он сам подобрал для нашей квартиры дизайн. Мы с мамой были в восторге.

Денис вошел в прихожую и осмотрелся. Она была выполнена в пастельных нежно-голубых и бежевых тонах. Белая скамейка с ящиками сверху и мягким кремовым кожаным пуфом. Белые шкаф для одежды, часы на стене.

– Прованс, – пробормотал Денис. – Недурно.

Я открыла перед ним дверь своей комнаты.

– Тебе подходит, – сказал Денис, – так воздушно и по-французски.

Все тут было белым и нежно-зеленым, цвета молодой выпуклой листвы. В центре

комнаты стояла двуспальная кованая белая кровать с ворохом подушек в белых и зеленых чехлах с рюшами. Покрывало было также двух цветов. С одной стороны от кровати стояла прикроватная тумбочка, с другой стороны – изящный белый туалетный столик. У окна – два белых плетеных кресла и торшер. Одна стена поклеена белыми обоями с цветочным узором: белые цветы и легкие тонкие веточки с листочками. Занавески на окне – в тон обоям. Остальные стены отделаны белыми панелями. На полу – ковер в мелкий цветочек. Люстра с пятью плафонами, опять с цветочным узором.

Мы устроились в удобных креслах, и Денис устался на кровать, после чего изрек:

– Не большевата кровать для тебя одной?

– Андрей предусмотрительный. Наверное, рассчитывает, что я найду себе кого-то...

Денис метнул на меня взгляд.

– Найдешь? – и кивнул на кровать. – Для этого?

Я почувствовала, что краснею, но постаралась сохранить будничным тон:

– Почему нет?

Мне ужасно хотелось спросить: «А вы с Лией?..» – но я сказала: «Чай будешь?»

Он кивнул, задумчиво взирая на мою кровать.

Я вышла в коридор и достала из кармана мобильник, который уже вибрировал третий раз за мою прогулку с Денисом. На экране высветилось «Пропущено 3 вызова от Данилы».

Спрятав телефон в карман, я направилась готовить чай. Меня ждал прекрасный вечер в компании Дениса. Чуть позже, возможно, мы пообедаем вместе, а потом и поужинаем. Посмотрим кино. Как раньше!

Однако, когда вернулась с подносом, на котором стояли кружки с чаем и корзиночка с печеньем, я застала Дениса за телефонным разговором. И сомнений не оставалось – с кем он говорил. Заметив меня, Денис попрощался со своим собеседником:

– В общем, до скорого!

И у меня внутри все обмерло. Он сейчас уйдет, и конец моим планам провести с ним весь вечер.

Денис сел в кресло.

– Лия приболела. Она шлет тебе привет.

– М-м-м, надо же. В школе она показалась мне... бодрой!

– Надо будет навестить ее. – Он взял кружку с подноса и отхлебнул так поспешно, словно мысленно уже летел на крыльях любви к своей симулирующей болезнью девушке.

Я опустилась в кресло. Пить чай мне больше не хотелось. Денис не заметил во мне перемену, он прихлебывал из чашки, рассеянно жевал печенье и мыслями был слишком далек от меня.

И тогда я приняла решение, встала и сказала:

– Денис, езжай к Лии, поднимешь ей настроение, раз она плохо себя чувствует.

Денис посмотрел на меня так, словно я сказала что-то невероятное. В этом взгляде перемешались радость, облегчение и благодарность. Он поспешно закинул в рот печенье, взял костыли и поднялся.

– А хочешь, поехали вместе? Лия будет рада тебе!

Такого поворота я не ожидала, но быстренько сочинила:

– Я с мамой договорилась встретиться. Не могу. А ты езжай!

Он кивнул.

– Ну... увидимся!

– Ага.

Я смотрела на его губы и думала о том, каково их поцеловать. А он внезапно шагнул ко мне и чмокнул в щеку, пробормотав:

– Как же здорово, что теперь мы... – Он искал слово, но не нашел его и махнул рукой. – Ну ты поняла!

Я поняла. Только совсем не об этом я мечтала. Но я выдавила из себя улыбку, сказала, что тоже очень рада. И пожелала ему и Лии хорошего вечера.

Прежде чем стать для него идеальной девушкой, я стану идеальным другом.

Глава 2

Свита королевы

Он гладил меня по волосам и что-то шутливо рассказывал. Но я не слышала его, сколько ни пыталась сосредоточиться. В мозгу стучала одна-единственная мысль: «Почему Стефа не отдала ему дневник? Что же она задумала?»

Мой взгляд бесцельно блуждал по комнате, где летом сделали капитальный ремонт с дизайном в стиле ампир. Лепные карнизы, колонны, шелковые драпировки с бело-золотым узором на стенах, вся мебель белая с позолотой, ножки туалетного, письменного столиков, шкафа, кровати в виде позолоченных лап львов, хрустальная люстра с сотней светильников в виде свечей.

Я лежала на своей королевской белой кровати, устроив голову у Дениса на коленях. В другой ситуации забота и нежность с его стороны осчастливила бы меня. Но сейчас я, точно марионетка, подвешенная на сцене за одну ногу, болталась в воздухе, ожидая, когда вот-вот больно шлепнуть об пол.

– Тебе получше? – спросил Денис, поглаживая большим пальцем мою щеку.

– Лучше, – выдавила я улыбку.

Он склонился надо мной, и при виде его родного и любимого лица у меня защипало в глазах. Денис весело подмигнул мне. Я так боялась потерять его, что была самой себе омерзительна. Я становилась очень слабой, когда дело касалось Дениса. Я зависела от него, а теперь зависела еще и от его рыжей подружки. И если зависимость от Дениса делала меня в основном счастливой, то любая другая зависимость выводила из равновесия. Я даже не солгала ему по телефону, сказав, что плохо себя чувствую. Я ощущала себя уязвимой и глубоко несчастной. Ведь все, чего я добилась за последний год, было готово превратиться в туман и ускользнуть сквозь пальцы.

– Как Стефу приняли одноклассники? – поинтересовался Денис.

– Нормально, – ответила я.

– Как ты думаешь, у Дани и Стефы может еще что-то быть?

– Почему ты спрашиваешь? – насторожилась я.

Он дернул плечом.

– Да так, прикольно было гулять вчетвером.

– А-а-а...

Мне уже всюду мерещилась ревность: не приревновал ли Денис Стефу к своему брату? Что он вообще к ней испытывает? Только ли дружеские чувства? Я помню, как он жаловался мне летом, что Стефания проигнорировала все его попытки связаться с ней. Он переживал из-за ее отъезда. Не влюбился ли он в нее за то время, пока они дружили?

– Так что? – спросил он.

Я вскинула брови.

– Ты о чем?

– О Стефе и Даниле. Они сойдутся, как думаешь?

Мне хотелось крикнуть, что мне наплевать и думать об этом я не желаю, но я сдержалась и лишь обронила:

– Не знаю.

В голове промелькнула мысль: «А что, если снова свести Стефу с Даней?», но я тут же отказалась от этой идеи.

Не выйдет. Стефа, может, и приехала из места, где на завалинке семечки лузгают и перетирают одни и те же новости захолустья, но она не так глупа. Третий раз на крючок Даниной «любви» она не попадет. Да и совершенно очевидно, когда говорила, что хочет заполучить Дениса, она не шутила.

– Может, она влюбится в кого-то другого, – предположила я.

– И в кого? В хлыщей из вашей гимназии? Нет, они не для Стефы.

– А кто, по-твоему, для нее? Даня?

Денис молчал, у меня внутри что-то болезненно сжалось, я выдохнула:

– А ты бы влюбился в нее?

Он взглянул на меня так удивленно. И я было уже успокоилась, поняв, что он такой вариант не рассматривал. Но радовалась недолго, потому что Денис задумчиво сказал:

– Стефа совершенно особенная девушка. Она добрая, милая, веселая, с ней... приятно. Я понимаю, почему Даня увлекся ею. – Денис помолчал, затем наклонился и чмокнул меня в кончик носа. – Но у меня есть ты.

– А если бы меня не было?

– А где бы ты была? – шаловливо улыбнулся он.

– Умерла!

Он лишь фыркнул и на мой вопрос не ответил. Я и так чувствовала себя достаточно жалкой, унижаться еще больше, демонстрируя ревность и неуверенность в себе, мне не хотелось.

Денис посидел со мной еще полчаса и засобиравшись домой. До позднего вечера я просидела за столом перед пустым листком бумаги, который приготовила еще до прихода Дениса. Я надеялась, что меня посетит план, как мне быть, когда Стефа отдаст мой дневник Денису. Но соперница затеяла какую-то пока не понятную мне игру. Дневник она не отдала, Дениса сама отправила ко мне, узнав, что я «приболела». Что она хотела этим сказать? Я у нее под прицелом и она выстрелит, когда захочет? А пока я должна позволить ей насладиться господством надо мной?

Какой именно мне нужен план? План по составлению плана?

Я подозревала, что Стефа неспроста взяла паузу. Возможно, она ждет, когда я сама оступлюсь? И меня, как в глупом кино, поймают с ножом над мирно спящей в постели Стефанией. А потом она вручит Денису дневник и, горько вздохнув, скажет: «Даже после всего, что она мне сделала, я хотела быть ее подругой! Но она неисправима!»

Этому не бывать! Я убью ее нежно, так, что никто не поймет. А пока нужно вернуть дневник!

* * *

Я плюхнулась на переднее сиденье отцовского «БМВ» и пристегнулась. Андрей настоял подвозить меня до школы, как раньше. Мама не хотела, чтобы я его обременяла. Но я неожиданно для себя поняла, что если он не будет отвозить меня хотя бы в школу, наше общение может вообще сойти на нет. Пусть так, но мы виделись. Не знаю, зачем мне было нужно его присутствие в моей жизни, в которой его не было шестнадцать лет. Но за прошлый

учебный год, проведенный в его квартире, я успела привязаться к нему. Хотя мы и не всегда ладили.

– Славная кофточка, – проронил Андрей, скользнув по мне взглядом васильковых, таких же как у меня, глаз. Правда, на этом наше сходство заканчивалось. Андрей был все так же хорош собой: черные густые волосы, даже без намека на седину, лощеное аристократическое лицо, длинные черные ресницы, делающие взгляд выразительным.

В его голосе сквозил сарказм. Я покраснела и почувствовала необходимость оправдаться:

– Мама купила.

– О, похоже, она добралась до Апрашки. И мир дешевых тряпок ее поглотил.

Мне не нравилось, что он так пренебрежительно говорит о вкусе мамы, но я промолчала. Кофта не нравилась мне самой – она была рыже-зеленой, с позолоченными крупными пуговицами и едва прикрывала пояс брюк. Но я надела ее, не хотела обижать маму. Еще до того, как Андрей высказал свое фи, я не считала эту вещь совсем уж чем-то криминальным. Но теперь вдруг взглянула на нее по-новому, как будто со стороны, и увидела себя в ней аляповатой деревенщиной, которую в прошлом году в первый же учебный день избили в туалете.

Столько времени работать над своим образом, а теперь взять и все перечеркнуть, просто чтобы угодить маме?

Я уехала из Харабали, попрощавшись со всеми своими друзьями и подругами... с Таней. Решила круто изменить свою жизнь и стать другой – усовершенствованной версией себя, такой, какой была рядом с Лией, но уже не столь наивной. Но почему-то перед мамой я очень стеснялась быть новой Стефанией. При мысли, что мама может подумать, будто я изображаю здесь из себя ту, кем не являюсь, мне было очень стыдно. И это смущение оказалось настолько велико, что я не посмела сказать: «Я больше не хочу носить дешевые вещи, лишь потому что на них была скидка...» У меня язык бы просто не повернулся. Если мама узнает, что новая я стесняюсь одежды, которую мы с ней когда-то вместе выбирали, тратя отложенные деньги, – это разобьет ей сердце.

Я украдкой взглянула на Андрея. Он всегда хорошо выглядел.

На нем были джинсы и белая рубашка, поверх – синий спортивный пиджак. Обычно он предпочитал костюмы. Похоже, он не на работу собирался.

– А ты куда? – полюбопытствовала я.

– Тренинг в области.

– И как зовут тренинг? – хмыкнула я.

– Мила, – рассмеялся он.

– Мило, – обронила я.

Он отъехал от дома. От него не укрылось, что мое настроение свалилось на отметку ноль.

Андрей бросал на меня косые взгляды, но заговорить не пытался. Неожиданно он свернул в какую-то арку. Это было явно не по маршруту.

– Куда мы едем?

Он затормозил, отстегнул ремень безопасности, перевесился через спинку кресла и принялся шарить на заднем сиденье.

Я наблюдала за ним. Наконец в его руке оказалась какая-то голубая тряпка. Он кинул ее мне и предложил:

– Примерь.

Я развернула тряпку. Это оказалась тонкая однотонная рубашка. И она явно принадлежала не Андрею.

– Чье это? – скривилась я.

– Какая разница? – закатил глаза Андрей и взглянул на часы. – Давай шустрее.

Я все еще сомневалась, а он подлил масла в огонь, обронив:

– Сомневаюсь, что ты сможешь второй раз объяснить одноклассникам свой нелепый вид тем, что пишешь статью о гонении нищих аутсайдеров.

– Отвернись, – проворчала я.

Он уставился в окно, а я попыталась стянуть кофту через голову, но так торопилась, что, как назло, запуталась. И волосы зацепились за позолоченные пуговицы. В довершение всего я поняла, что волосы и пуговицы так переплелись, что кофта застряла у меня на голове – ни снять, ни надеть.

– Ну что?

– Ничего, – прошипела я, дергая кофту.

Андрей обернулся и со стоном: «Что ж ты такая неуклюжая?» – принялся распутывать мои волосы. А я между тем заметила, что два парня из класса седьмого остановились перед машиной, смотрят на нас и ржут.

Андрей жестом приказал им убираться. Мальчишки сбежали. Мои волосы были свободны, я стянула кофту и прикрылась ею. Потому что под ней у меня не было абсолютно ничего, кроме бюстгальтера.

– Надевай! – закатил глаза Андрей, демонстративно отворачиваясь.

Укрывшись кофтой, я накинула рубашку и как могла быстро застегнула ее на крохотные прозрачные пуговицы.

– Ну как? – спросила я.

Андрей кивнул:

– Нормально, – и подвернул мне рукава рубашки. А затем стянул с моих волос, заплетенных в косичку, резинку и растормошил пятерней мои волосы. После чего сделал небрежный хвостик, оставив с одной стороны свободной прядку.

Все это он проделывал так, словно каждый день перед работой одевал или раздевал в своей машине разных школьников.

А может, так и было? Дворничиха тетя Маша говорила, что он водит к себе молоденьких.

Вот и рубашка на мне явно принадлежит какой-то его подружке. Лучше уж и не знать!

Андрей довез меня до школы. На крыльце я заметила Киру. Она тоже меня увидела и пошла мне навстречу. Вчера мы с ней не разговаривали, но я видела, что она смотрит на меня и постоянно шушукается со своей подружкой.

– Привет, – кивнула мне Кира. На ней была короткая вельветовая сиреневая юбка, белая майка и черная ветровка. В тон ей черные туфли на высоченных каблуках. Косая челка убрана кепкой с длинным козырьком, черные волосы распущены.

– И тебе, – промолвила я.

Похоже, Андрей оказался, как всегда, прав. Рубашка на мне Киру не смутила. Боюсь, кофта с блестящими пуговицами не прошла бы дресс-код у местных модниц.

– Что насчет дневника? – без обиняков спросила Кира.

– А что насчет него? – невинно захлопала я глазами.

Одноклассница нахмурилась.

– Ну... ты собираешься с ним что-то делать?

Я пожала плечами.

– Пусть это будет сюрпризом!

Кира по привычке дунула на челку, забыв, что та убрана кепкой.

– Слушай, если ты не будешь использовать дневник, отдай его мне!

Я задумалась. А что, может, это не такая плохая идея? Если дневник обнарудует Кира, я не запачкаю руки, а Денис узнает все что должен. Он поймет, что Лия не изменилась, а все такая же лживая интриганка и манипуляторша, и он ее бросит.

Наконец я кивнула.

– Я подумаю над этим.

И не дожидаясь, пока одноклассница еще что-то скажет, зашагала к школьному крыльцу.

В гардеробе я подошла к большому зеркалу. Поразительно, но я выглядела стильно и изящно в этой мятой одноцветной рубашке, столь простой, что, казалось бы, взгляд не на чем остановить.

Сперва я учуяла сладкий запах груши и ванили с кислинкой смородины, заполнивший собой все пространство, яркий, насыщенный, дерзкий и роскошный, а затем в отражении зеркала мелькнули белые волосы. Отражение Лии улыбнулось мне.

– Вижу, тебе уже лучше, – не оборачиваясь, отметила я.

На ней были короткое приталенное черное платье и черные туфли. В волосы вплетена черная ленточка.

– Намного, – кивнула Лия.

Мы смотрели друг на друга в зеркале. Молчание затянулось, и я язвительно обронила:

– Не многовато ли черного! Ты, никак, на похороны собралась?

– Ага, – улыбнулась Лия, – на твои.

Что ответить ей, я не придумала, да и Лия ждать, пока я разрожусь остроумным ответом, не собиралась.

От ее движения воздух наполнился сладкими духами, и Лия зашагала прочь.

Не знаю, что произошло этой ночью. Но моя врагиня заметно успокоилась или просто взяла себя в руки. Вчера я застала ее врасплох и имела удовольствие увидеть ее испуганной и растерянной, но сегодня она снова была прежней – холодной, расчетливой и безмятежной Лией. А вот мне спокойствие изменило. Почему она так уверена в себе, если ее дневник у меня и я в любой момент могу отдать его Денису? Что она задумала? Над предложением Киры стоит серьезно подумать, и как можно скорее, пока Лия не нанесла удар. С другой стороны, если я отдам дневник Кире, единственное свое оружие, то сама останусь безоружной. Кира всегда была марионеткой Лии, и стоит той поманить, пообещать Кире что-нибудь, отношения с Даней, например, она отдаст дневник. На дорогу ПМ рассчитывать опасно. Как бы это отвратительно ни звучало, но она Пушечное Мясо и вряд ли за столь короткий срок научилась принимать собственные решения.

И я оказалась права!

После третьего урока в столовой Кира и ее подружка подсели ко мне за столик. Яна покрасила концы своих светлых волос в розовый. Того же цвета на ней были обтягивающие джинсы с серым кожаным ремнем, черная водолазка, серо-розовые кроссовки.

Я пила чай, передо мной лежало зеленое яблоко. Я планировала поболтать в Сети с Денисом, но одноклассницы заставили меня убрать телефон.

– Ну что, подумала? – без предисловий спросила Кира.

– Да. Извини, но у меня нет причин доверять тебе.

– Да что ты? Разве не я отдала тебе дневник?

– Откуда мне знать, что ты еще не пожалела об этом? Может, Лия купила тебя со всеми потрохами.

На щеках Киры вспыхнули красные пятна.

Встряла Яна:

– Ты ошибаешься. – Она любовно погладила концы своих волос. – Мы хотим отомстить, как и ты!

– А тебе-то что она сделала? Тебя нет в ее дневнике, на вечеринку тебя пригласили. Ты-то чем недовольна?

– О-о-о, ты просто Лию плохо знаешь. Если каждый как следует подумает, то легко найдет причины ненавидеть ее.

Кира наклонилась к подруге и шепнула:

– Расскажи ей.

Яна нехотя кивнула.

– Помнишь девушку из дневника, которую Лия выкинула из школы, чтобы освободить место для тебя?

– Эм? Мишень? Помню.

– Ее зовут Марта, – тихо сказала Яна. – Она моя двоюродная сестра. Хорошо училась, встречалась с хорошим парнем. После того скандала с ложной беременностью парень ее бросил, в новой школе скатилась, прогуливает, связалась с плохой компанией, постоянно где-то шляется. Отец ее на нервной почве попал в больницу, на высокооплачиваемой работе нашли ему замену. Всю семью тащит на себе мать-домохозяйка, которая торгует своими любительскими картинами. Отец Марты постоянно берет в долг у моего отца, но отдавать ему нечем... Ну как? Есть у меня повод для дружбы с Лией?

Я и представить себе не могла, что судьба этой Марты так незавидна. Если откровенно, я никогда и не задумывалась, что с ней стало. Подумаешь, какую-то избалованную богатенькую девочку перевели в другую школу. Так я воспринимала ту ситуацию.

– Ну чего молчишь? – закатила глаза Кира. – Мы заодно.

Я посмотрела на Яну, и у меня вырвалось:

– А чем ты сама думала, когда Кира твою сестру из школы выкинула?

Подружки переглянулись, и Кира сказала:

– Ты, наверное, успела забыть в своем селе, что такое дружба с Лией. Ты делаешь мерзкие вещи, потому кажется, что ближе и важнее Лии никого не существует.

Здесь мне пришлось прикусить язык. Не я ли перестала верить словам лучшей подруги, подозревала ее черт знает в чем, на фоне блестящей Лии стала видеть Таню глупой и скучной. Что в конечном счете страшнее? Сильный человек, который способен заставить других выполнять свои грязные прихоти? Или слабый и безвольный человек, тот, кто готов испачкать свои руки? Все мы – и я, и Кира, и Яна были теми самыми людьми для Лии, выполняющими за нее грязную работу. Кто-то – в большей степени, кто-то – в меньшей. Но мы попали под ее влияние. Я не могла считать Киру с Яной хуже себя лишь на том основании, что они дольше меня с подачи Лии делали окружающим пакости.

Кира покачала головой.

– Ты и сама все понимаешь.

– Да. – Я забрала со стола яблоко и встала. – Но дневник останется у меня.

Яна взглянула на Киру, затем на меня.

– А ты правда собираешься отбить у Лии Дениса?

Я кивнула.

Подружки переглянулись.

– Мы можем тебе помочь!

Мне хотелось сказать: «Хотите сменить шило на мыло?» – но я сдержалась. Лия никогда не отказывалась от помощи подобных девчонок, и если я хочу поймать птицу Феникс, мне понадобится любая поддержка.

– Было бы здорово! – ответила я и, уже отступая, обернулась. – Я на урок. Вы идете?

Поразительно. Но девчонки, которые называли меня в прошлом году тупорогой коровой и похуже, изводили, унижали, дружно поднялись и пошли со мной, точно свита. Ущипните меня, я сплю?

Глава 3

Визит вежливости

После школы и занятий по шитью я забежала к Денису. Он, как всегда, ходил на беговой дорожке. Мокрый от пота, но довольный. Занятия спортом хоть и тяжело давались, но заряжали его позитивом. И, наверное, вселяли надежду на полное выздоровление.

– В холодильнике есть роллы и пицца, угощайся! – крикнул он, пока я снимала в прихожей туфли.

Я пришла к нему не обедать, поэтому зашла в комнату и сразу перешла к делу:

– Денис, к нам вечером родственники приезжают. Я не смогу пойти в кино. – Достала из сумки билеты на премьеру, которые сама же нам купила пару дней назад.

– А мне они на что? – удивился Денис.

– Я подумала, что ты сходишь без меня... – Я вскинула брови, как будто меня только осенило, – а позови Даню. Или Стефу! Она все лето торчала в Харабали, наверняка соскучилась по нашим развлечениям.

– Ну не знаю... мы так хотели с тобой вместе пойти на этот фильм.

Я взмахнула билетами.

– Если мой билет достанется Дане или Стефе, он хотя бы не пропадет!

Денис отключил беговую дорожку, взял билеты и, задумчиво глядя на них, пробормотал:

– Никогда бы не подумал, что вечер с родственниками так важен для тебя!

Я вздохнула и плюхнулась в кресло.

– Отец попросил. Мне его родственники до лампочки, но он так готовится к их приезду. И нас с мамой терроризирует!

– Ладно, схожу с кем-нибудь, – улыбнулся Денис, взял костыли, прислоненные к тренажеру, и добрался на них до кровати. Билеты кинул на стол, а сам стянул мокрую от пота футболку.

– Я схожу в душ и...

Я не дала ему закончить, подошла, села к нему на колени и, обвинив его шею руками, впиалась поцелуем в губы.

Он попытался меня остановить.

– Ты сейчас вся провоняешь.

Но я лишь теснее прижалась к нему, прошептав:

– Пусть.

Я запустила пальцы в его мягкие кудри и снова поцеловала. Он был возбужден, но когда моя рука скользнула по его груди на живот и ниже, он перехватил мое запястье и сказал:

– Достаточно. Я в душ.

Со своих колен он пересадил меня на кровать и ушел.

Мне хотелось взвыть. Что я делаю не так, почему он каждый раз меня отталкивает? Когда мы зимой помирились, я сперва думала, что из-за травмы позвоночника у него проблемы с потенцией. Однако вскоре выяснилось, что это не так. Денис себя зачем-то сдерживал. И дальше орального секса у нас не шло, как я ни пыталась его соблазнить. Когда он уехал летом в реабилитационный центр, я была уверена, что после возвращения у нас все будет как у других пар. Но он вернулся для поступления в институт, а потом снова уехал в

центр.

Около недели назад, пока мои родители были в отъезде, мы провели все выходные у меня дома, спали в одной постели, но когда я сказала ему, что хочу его, он попросил: «Давай отложим?»

Как долго мы планируем откладывать, я не спросила, о чем теперь жалела. Я боялась, что, если стану настаивать, он не будет чувствовать себя рядом со мной мужчиной и тогда, как бы сильно он меня ни любил, он найдет себе другую. Ту, с кем он сможет принимать решения, а не действовать по указке.

Может, потому Денис и был мне так нужен, что его я не смогла подчинить. В наших отношениях он всегда играл главную роль.

Я взяла со стола зеленые стикеры, нарисовала на листочке сердечко, приклеила к подушке и вышла из комнаты. Надела туфли и покинула квартиру.

Проходя мимо ресторанчика в доме напротив, я увидела знакомое лицо.

– Здравствуйте! – махнула я рукой.

Отец Стефании обернулся и кивнул мне.

– Привет. Я помню тебя. – Он прищурил один глаз. – Лия, кажется.

Я кивнула.

– А вы Андрей.

– Романович для тебя.

– Я запомню, – улыбнулась я, – Андрей.

Пока шла до остановки, думала о том, какой же красавчик папаша у Стефании. Странно, что он до сих пор не женат. А может, и не странно... Он хорошо одевался, изумительно пах дорогим парфюмом, был образован и явно не торопился обзавестись женой и семерыми по лавкам.

Дома никого не было. Я быстро сделала уроки и за час до сеанса позвонила Денису, выяснить, нашел ли он, с кем пойти в кино. Мои расчеты оказались верны, он пригласил Стефу.

И они уже сидели в кафешке при кинотеатре. Отлично, значит, путь свободен.

Я поймала попутку и с симпатичной молодой девушкой доехала до дома Дениса. От него я прошла к дому, где Стефания с матерью купили квартиру. Новый адрес Стефы я переписала из журнала.

Поднялась до третьего этажа и позвонила в дверь. Рабочий телефон матери Стефы я выяснила, пробравшись в кабинет директора и порывшись в деле Стефании Гуртовой. Погуглив отель, в который она устроилась, я выяснила, что горничные работают в две смены: утреннюю и вечернюю. Выяснить, в какую смену работает ее мать сегодня, не удалось, поэтому я решила сделать пробную вылазку.

Но мне повезло. Дверь открыла Светлана Гуртова – рыжеволосая кареглазая женщина с пучком, мукой на лице, в стареньком фланелевом халатике. Сразу стало очевидно, что красавчику Андрею она не пара.

– Здравствуйте, – прощепетала, – я одноклассница Стефы. Тетрадку ей принесла.

– А Стефы нет.

– Ой, какой вы классный ремонт сделали. Стефа мне рассказывала. – Я прошла в прихожую и с восторгом на лице оглядывалась по сторонам.

Мать Стефы была проста как три копейки, она купилась на мою актерскую игру и объяснила: – Этот стиль называется «прованс».

– Правда? Так чудесно, Стефа мне обещала показать свою комнату, жаль, что я ее не застала... – Я полезла в сумку. – Может, я оставлю тогда ее тетрадь вам?

– Конечно, – Светлана взяла у меня тетрадь и предложила: – Хочешь, пойдём, заглянем в ее комнату? Думаю, она не будет против.

– Спасибо. Умираю от любопытства! – Я скинула туфли. И мы прошли в спальню моей соперницы. Тут было довольно симпатично. Трудно поверить, что две клухи из Харабали додумались так стильно обставить свою квартиру.

– Вы сами все это придумали?

– Нет, отец Стефы выбирал дизайн-проект.

– Очень здорово. Вам нравится Петербург?

Светлана пожала плечами.

– Пока еще не поняла.

– Вы обязательно полюбите этот город. Стефе здесь нравится, и мы все очень рады ее возвращению. У нас замечательная школа!

– А что, если нам попить чаю? Расскажешь мне про школу, – предложила Светлана. – А там, может, и Стефа вернется!

– Буду рада!

Мы пошли на кухню. Она была встроенной, цвета слоновой кости, с искусственными потертостями на шкафчиках, как и принято в прованском стиле.

Пока Светлана заваривала чай, я вышла якобы помыть руки, а сама кинулась в комнату Стефании. И буквально заглянула в каждый уголок, даже под матрац, под шкаф, в школьную сумку, абсолютно всюду, в поисках своего дневника. Но его нигде не было. Не может же она носить его с собой? А может, она держит его не дома?

Я вернулась на кухню крайне раздосадованная. А Светлана уже разлила нам в кружки с цветочным узором кипяток. Я заметила, что она заваривала чай одним пакетиком.

Мне ужасно хотелось сбежать под каким-нибудь предлогом, но я продолжила разыгрывать из себя дурашливо-восторженную Таню. Чем сразу расположила к себе мать Стефании.

Что мне эти полчаса? Посидеть, поболтать, пооткровенничать. Никогда не знаешь, чье доброе расположение может тебе в дальнейшем понадобиться.

Я пила противный дешевый чай, была любезна, приветлива и с упоением рассказывала о школе.

А потом включила на смартфоне под столом музыку и сделала вид, что мне пришло эсэмэс от мамы, которая волнуется за меня. А после – спешно попрощалась и покинула уютную квартирку Гуртовых. За разговором я несколько раз коснулась темы личных дневников, солгав, что преподаватель по писательскому мастерству просит нас вести дневники, которые мы потом в классе зачитываем. Но Светлана сказала, что Стефа наверняка не записалась еще в этот кружок, потому что у нее нет никакого дневника. Правда, она вспомнила, что летом дочь таскала постоянно с собой какой-то черный исписанный блокнот, но когда они переехали в Петербург, Светлана больше не видела у нее никаких дневников.

Так я и выяснила, что мой дневник Стефания надежно спрятала.

Утром перед первым уроком я направилась прямо к ней, стоящей у окна в сиреневом легком платье с воздушными короткими рукавчиками. Она вся точно излучала сияние летнего солнечного дня. Распущенные белые волосы, завитые на концах, крупный золотой браслет на тонком запястье, изящная белая сумочка, в тон ей туфельки.

– Слышала, ты нанесла мне визит. Как мило. Родственники не были против, что ты променяла их на беседу с моей мамой за чашкой чая?

– Тебе стоит рассказать ей, что у нас не принято полоскать один чайный пакетик на десять кружек, – проронила Лия.

Мои щеки запылали, и я процедила:

– Ты не там ищешь. Не трать время. Лучше посвети его своему парню... пока он у тебя есть!

И я зашагала в кабинет физики.

Мама была в восторге от моей одноклассницы, такой вежливой, славной и дружелюбной. Не уставала расхваливать ее, даже не подозревая, что за каждой сладкой улыбкой и комплиментом – яд. Когда я вернулась вчера после кино, то сразу, как мама заикнулась, что ко мне заходила девочка, все поняла. Я ждала чего-то подобного от Лии. И, естественно, подготовилась.

Все-таки сражаться куда проще, если знаешь, что твоя соперница не погнушается ничем. Ловко она отправила меня со своим парнем в кино. И забавно, что это совершенно не принесло ей пользы, в то время как я прекрасно провела время с Денисом. Ну а дневник находился в надежном месте.

Пока я раскладывала на парте тетрадь и учебник, ко мне подошла Яна, одетая в короткое серое платье-бадлон и черные ботинки на шнуровке, а-ля Глюкоза.

Яна прищурилась и похвалила:

– Классный свитшот.

Я безразлично дернула плечом, словно не придавала значения хорошим вещам, как если бы для меня они являлись обычным делом. На самом же деле я была в восторге от своей обновки. На мне были голубые джинсы, белые слипоны и свитшот с изображением черного силуэта дерева на фоне сиренево-голубого неба.

Вчера после школы отец отвез меня в торговый центр и купил кучу одежды. По возвращении домой я все попрятала в шкаф и маме еще пока не показывала. Боялась, что она запретит мне принимать от отца подарки. Ее аргумент звучал как: «Отец купил тебе квартиру, это более чем щедро с его стороны».

Но в случае с Андреем я кое-что уже поняла. Тратя деньги, он проявляет заботу. И другой заботы он не знает. И если я откажусь от этих его знаков внимания, то не останется ничего.

Да и смысл лукавить, получать подарки приятно. Вчера он пошутил, что должен мне подарки за все семнадцать лет, а я сказала, что прошлый год можно вычесть.

Начался урок, Кира почему-то не пришла. А от Яны мне на парту приземлился бумажный шарик. Я развернула его и прочитала:

«Есть идея, давай встретимся в раздевалке бассейна за 20 минут до занятия?»/подобрать рукописную гарнитуру/

Я посмотрела на Яну и кивнула.

На самом деле я еще не решила, буду ходить в этом году в бассейн или нет, но зная, что сегодня тренировка, на всякий случай прихватила купальник. И раз мои новые подруги что-то интересное придумали, так и быть, до раздевалки я могу после уроков дойти, а заниматься не обязательно, если настроение будет.

За обедом Яна сидела со мной за одним столиком. Она ела пиццу и пила лимонад, я пила йогурт и ела грушу.

– А Кира сегодня придет? – поинтересовалась я.

– Если успеет на последний урок. Если нет, то придет лишь на тренировку. Она у зубного.

– Может, расскажешь, что там у вас за идея?

– Давай Кира расскажет. Это ее идея.

К нам за столик приземлился Вова. Кажется, за лето он стал еще выше и красивее. Дизайнерские шмотки, идеальный загар, модная прическа с выбритыми висками, загадочный взгляд с необыкновенным вишневым оттенком. Девчонки млели в его присутствии.

Яна заметно оживилась, кокетливо откинула назад волосы и проворковала:

– Вова... привет.

– Как дела, девчонки? – широко улыбнулся он.

Может, его внешность и сводила девчонок с ума, но только не меня. Я так и не забыла, как он по указке Лии привел меня в нерабочий туалет в начале прошлого учебного года, натянул на голову мешок от сменки и издевался вместе с друзьями. Но он-то уверен, что все забыто.

– Отлично, – ответила за нас обеих Яна.

Он огляделся, посмотрел туда, где у буфета толпились ребята, и промолвил:

– Киры сегодня нет... Передашь ей, чтобы позвонила?

– А сам не можешь? Не королевское дело? – вырвалось у меня.

– Телефон посеял.

– Я передам ей, – охотно отозвалась Яна.

Вова кивнул и уставился на меня.

– Значит, ты переехала сюда насовсем?

– Угу. – Я отпила йогурт из бутылочки.

– Может, сходим куда-нибудь?

– В туалет, ваше высочество? – вырвалось у меня. И я тут же пожалела. Лия бы так не сглупила. Она великодушно прощала своих рабов, и они с удвоенным рвением и счастьем служили ей. Не-е-ет, не стать мне птицей высокого полета с моими детскими обидами.

Парень уже встал из-за стола, когда я засмеялась и сказала:

– Да я пошутила, Вов!

Он обрадовался, хмыкнул и, подмигнув, пообещал:

– Я позвоню тебе!

Когда он ушел, Яна завистливо протянула:

– Бли-ин, он такой классный. И этот запах... «Allure homme sport» от Chanel. Я все бы отдала, чтобы Вовка меня пригласил. – И помолчав, обронила:

– А Кира думает, что он к ней клинья подбивает.

Я бросила огрызок груши в бутылочку и объявила:

– Вова Принц мне не нужен. Ты знаешь, кто моя цель.

Яна закивала, но тут же недоверчиво отметила:

– Но Вова красивее!

Я поднялась.

– Не в красоте дело. Вова – пустышка, даже Лия это понимает.

Кажется, мои слова задели Яну. И если раньше она бы сказала нечто вроде: «Мнение тупорогой коровы никого не интересует», – сейчас она все благополучно проглотила. А у меня на душе, как всегда бывало, когда я делала или говорила что-то неприятное, стало скверно.

И я поспешила облегчить свою совесть, добавив:

– Может, мы встретимся и я изменю свое мнение о нем. Я плохо его знаю. И вообще, если он тебе нравится, почему сама не пригласишь его погулять?

– Да ты чего? – округлила глаза Яна.

И мне стало очевидно: такой вариант она даже не рассматривала. Я не стала ее переубеждать. И мы вместе пошли на историю.

А после всех уроков, как и условились, дождались в раздевалке бассейна Киру. Она примчалась запыхавшаяся и с припухшей щекой. Объяснила: «Наркоз», – и негромко сказала мне:

– Рада, что ты пришла!

Я кивнула.

– Что там у вас за идея?

Кира глянула на Яну.

– Ты еще не рассказала? – И даже не дав слово подружке вставить, затараторила: – Я думаю, отбить у Лии Дена будет непросто, на это нужно время!

– Естественно, – согласилась я.

– Пусть это станет венцом всего, что мы ей преподнесем! Предлагаю лишить ее не только парня! – Она выдержала театральную паузу.

– Что ты задумала?

Кира опустилась на скамейку, но тут же вскочила и с улыбкой сказала:

– Пусть от нее все отвернутся!

Я хмыкнула.

– Да нет ей дела до всех!

– Когда я говорю «все», я имею в виду действительно всех! В том числе учителей и преподавателей кружков, которые для нее так важны для самосовершенствования.

О-о-о, Тане это бы не понравилось, особенно в довесок к тому, что я все так же планирую отбить у Лии Дениса. Но Таня бы куда больше одобрила, организуй я общественную смерть Лии в школе, как она когда-то мою, чем ее разрыв с Денисом. С тех пор, как Таня начала встречаться с Максимом, она всегда ставит себя на место тех, кто тоже в отношениях. Поэтому она могла понять чувства Лии к Денису, а мои чувства, которые эта дрянь втоптала в грязь, были ей менее понятны.

Сколько бы я ни сделала гадостей Лие, мне казалось, все равно будет мало. Во мне горело неугасаемое пламя ненависти, которое когда-то было любовью. И это пламя охватило меня всю – я сама была огнем. Но быть огнем недостаточно, когда имеешь дело с птицей Феникс, восстающей из пепла.

Я задумчиво качнула головой.

– С чего мы начнем?

Глава 4

Кровь и десерт

Я видела, как Стефа со своей новой подругой пошла в раздевалку бассейна, а потом к ним присоединилась Кира. Поэтому я направилась сразу в тренерскую.

Данила сидел за столом в черном спортивном костюме, уставившись в планшет.

Я удобно устроилась в кресле напротив стола и выжидающе уставилась на парня.

Он нехотя оторвал взгляд от планшета.

– Чем обязан?

– Ты говорил с ней?

– Нет, мы еще не виделись. – Он снова занялся планшетом. – Скорее всего, она не будет ходить на занятия.

– Она сейчас в раздевалке с Кирой и Яной.

Я привстала, наклонилась к нему и вырвала планшет.

Данила закатил глаза, откинулся в кресло и простонал:

– А от меня ты чего хочешь?

– Для человека, который использовал любимую подругу своего брата, готовую вот-вот обо всем ему рассказать, ты слишком спокоен.

– Ты предлагаешь мне рвать на себе волосы?

– Поправь меня, если я ошибаюсь... Ты знаешь что-то такое, неизвестное мне? И это вселяет в тебя уверенность, что ты в безопасности!

– У тебя паранойя, Лия. – Он встал и прошелся до стеллажа.

– Не отворачивайся, – приказала я.

Он резко обернулся и посмотрел на меня.

– Так лучше?

Я оттолкнулась ногой и крутанула кресло так, чтобы не видеть его. Он вел себя странно. А может, ему и впрямь не было дел до Стефы и он был убежден, что дневник не угроза его восстановленной дружбе с братом? Я терялась в догадках. Данила никогда не был сложным, его желания, поступки и мысли всегда были прозрачны для меня, но сейчас что-то изменилось. Возможно, мы слишком отдалились? Мы не виделись целое лето. В конце концов, люди меняются...

Раздались быстрые шаги за дверью, а потом голос Стефы:

– Даня, я сегодня...

Она осеклась, а Данила поспешно сказал:

– Стефа! Заниматься пришла?

Я повернулась в кресле к ним и застала их врасплох. Они испуганно смотрели на меня.

Может, люди и меняются, но уж точно не настолько. И я наверняка знала, что парень и девушка, которые некрасиво разошлись, спустя три месяца разлуки уж точно не так должны себя вести при встрече.

– Лия, – с наигранной радостью произнесла Стефа, а потом кивнула Даниле: – Да, я заниматься. Надеюсь, ты не против?

Я встала с кресла и объявила:

– Пойду переодеваться!

Стефа не осталась в тренерской, тоже пошла в раздевалку.

Кира с Яной уже переоделись и при виде меня переглянулись и поспешили покинуть раздевалку.

Мы со Стефанией остались одни. Я видела, что она несколько оробела. И чтобы окончательно ее смутить, принялась медленно раздеваться, глядя прямо на нее.

Я освободилась от платья и расстегнула бюстгальтер. Стефа покраснела, но оставалась на месте, не предпринимая попыток отвернуться или снять с себя что-нибудь.

Я медленно спустила трусики с надписью «FUCK ME» и промолвила:

– Ты и правда думаешь, что у тебя есть шанс?

Лишь тогда она молча отвернулась к своему шкафчику. И я заметила, что у нее дрожат руки. Меня саму охватила дрожь, и по обнаженному телу поползли мурашки от удовольствия. Видеть свою соперницу потерянной и сдающей позиции – как это сладко! Я уже успела и забыть, насколько же это сладко... из-за проклятого договора с Денисом – не интриговать.

Я надела черный раздельный купальник, его чашечки были соединены золотым кольцом, от которого к трусикам тянулись две тканевые полоски.

И вместо того, чтобы пойти в бассейн, я присела на скамейку, положила ногу на ногу, достала из сумочки пилочку и принялась подпиливать ногти.

Стефания неторопливо вытащила из пакета свой купальник и полотенце, но с переодеванием тянула.

Я же никуда не торопилась и наслаждалась ситуацией. Сейчас Стефа напоминала мне ту забитую наивную девчонку, которая только приехала из Харабали. Бояться? Ее? Ха!

Внезапно Стефания обернулась и проговорила:

– Ты, конечно, уверена, что твое умение снимать с себя одежду при посторонних делает тебе честь! Но, поверь, это не то качество, которое оценил бы Денис.

Я знала, что она права, но виду не подала, рассмеялась:

– Денис может говорить что угодно, но в конечном счете он всего лишь мужчина.

Она молчала, глядя на меня. Я утомленно вздохнула:

– Верни мне дневник, Стефа, и мы обо всем забудем.

Мне показалось, в ней происходила борьба и какая-то часть ее хотела поступить, как я предложила, но упрямство восторжествовало. Девушка резко отвернулась к шкафчику и принялась быстро раздеваться. У нее был интересный новый купальник. Слитный, белого цвета, с темно-зеленым цветочным принтом. Бюст – бандо с регулируемой бретелью, а низ купальника с заниженными вырезами для ног, декорированными рюшами. Модель из дорогих. Наверняка состоятельный папаша купил. Хотя у Стефы с матерью теперь своя квартира, к отцу она наверняка по-прежнему ходит. Может, он даже сохранил ее комнату... Ну конечно! Я чуть не вскрикнула от пришедшей мысли, но сдержалась.

Понаблюдала за неловкими движениями Стефании и вышла из раздевалки, куда вошли сразу три девочки из параллельного одиннадцатого.

Я заметила Данилу, стоящего в окружении Киры с Яной, и, махнув ему, демонстративно подошла к краю бассейна с надписью «С бортиков не нырять» и нырнула.

Кира с Яной вошли в воду, а когда я проплывала мимо Данилы, он раздраженно мне сказал:

– Я могу удалить тебя с занятия!

Тогда я вылезла и снова нырнула. А когда выплыла, тренер яростно процедил:

– Оболенская, вон из бассейна!

Я легла на спину и, лениво шевеля ногами, поплыла.

Данила шел за мной вдоль бассейна. Появилась Стефа, она недоуменно посмотрела на нас, но ничего не сказала, взяла плавательную доску и вошла в воду.

– Что ты, черт возьми, делаешь? – тихо спросил меня Данила и крикнул: – Девочки, разминайтесь, пять бассейнов.

Я проплыла туда-сюда, вышла из воды и пошла в раздевалку. Мне навстречу выбежала стайка девчонок, которые весело меня поприветствовали. Данила шел за мной, но ученицы его отвлекли, и я успела скрыться в раздевалке.

Я принимала душ, когда дверь хлопнула и в раздевалку ворвался Данила. Он замер у стеклянной душевой, потупился, а затем отвернулся и пробормотал:

– Лия, что это было?

– Ты о чем? – Вся мокрая, укуталась в полотенце и прошла мимо него, обронив: – Разве тебе можно в женскую раздевалку?

– Я о твоих выходках! Чего ты пытаешься добиться?

– Тебе ли не знать: всего, чего я пытаюсь добиться, я добиваюсь.

– То есть ты хотела, чтобы я выгнал тебя с занятий?

Я подмигнула ему и попросила:

– А теперь я бы хотела переодеться, если ты не против?

Он уже шагнул к двери, а потом остановился, точно размышляя, обернулся и сказал:

– Послушай, зачем нам ссориться? Ты и я – это куда больше и важнее для Дениса, чем какая-то девочка из Харабали.

Я с трудом улыбнулась.

– Ты прав, все так. Но есть одно «но»...

– Какое?

– Ты и я – это примерно то же самое, что ты и Стефа. «Ты» – брат Дениса, и в этом уравнении ты постоянная величина, а вот девушка Дениса – величина переменная.

Данила шагнул ко мне.

– Что за ерунда? Ну как мне тебя убедить?

– Никак. Уходи.

Верить ему после того, что я увидела в тренерской? Ни за что!

Он вышел за дверь. Я оделась, высушила волосы, накрасилась, надушилась и поспешила покинуть школу. У меня появилась теория, которую мне не терпелось проверить.

Недалеко от дома Дениса я зашла в магазин, купила мясо с кровью. И заняла удобный наблюдательный пункт на углу дома. Как только я увидела, что «БМВ» Андрея подъехал к любимому ресторанчику Дениса, то бросилась во двор, достала из сумки зеркальце, а из пакета мясо. Я растрепала волосы, затем окунула пальцы в кровь на дне пакета и измазала ею себе лицо, под носом, шею, руки. Платье мне в последний момент стало жаль, и я не стала его пачкать. Зато как следует измазала волосы. Мясо я кинула бездомным котам, а сама побежала к парадной дома, где жил отец Стефании, и присела на скамейку. Закапала глаза каплями для увлажнения. Ждать долго не пришлось, во двор вкатил «БМВ», я закрыла лицо руками – и заплакала. На курсах актерского мастерства я была одной из лучших!

Андрей заметил меня сразу, как вышел из машины, держа в одной руке пакет из ресторана, в другой – ключи. Одетый в серый дорогой костюм с голубым отливом, он напоминал мужчину с обложки журнала о моде или из рекламы дорогого авто.

Подошел ко мне.

– Эй, что с тобой?

Всхлипывая, я подняла на него заплаканные глаза и окровавленное лицо.

– Ничего, – прошептала я.

– Да ты вся в крови! – воскликнул он и достал телефон. – Я вызову «Скорую»!

Я вскочила.

– Нет!

Он опустил руку с телефоном.

– Что с тобой случилось?

Я села на скамейку и разревелась, сквозь рыдания выдавив:

– Ничего.

Андрей огляделся, затем за локоть поднял меня со скамейки.

– Пойдем-ка, тебе нужно умыться и успокоиться.

Я покорно пошла с ним. Мы поднялись на четвертый этаж, и он провел меня в свою квартиру. Завел в ванну и дал чистое полотенце.

– Ну, в общем, приведи себя в порядок.

Когда уже уходил, он попросил:

– Только не закрывайся, а то мало ли чего тебе в голову придет...

Я издала смешок и закрыла перед ним дверь. Он боялся, что я повешусь тут ему на бельевой веревке.

Первым делом я обследовала ванну, залезла во все ящички. Один был полон презервативов. Во всех остальных – прочее барахло для ванны. Дневника тут не было.

Я спокойно умылась и даже вымыла волосы, чтобы обеспечить себе более длительное пребывание в квартире отца Стефы.

Когда я вышла, Андрей сидел на кухне за барной стойкой. Мне нужно было в комнату, поэтому я спросила:

– А фен есть?

– Да, в ванной.

Я тяжело вздохнула, обмахиваясь рукой.

– Там так душно. Можно я посушу волосы в комнате?

– Да, конечно. Бери, суши.

Я забрала из ванны фен и прошла в комнату, которую ранее занимала Стефа. Теперь там были лишь тренажеры, спрятать дневник негде, поэтому я поспешила в спальню Андрея.

Я включила фен и принялась обыскивать комнату. Когда я была уже почти в отчаянии, я заглянула под матрас. Но и там было пусто. Однако я заметила на паркете царапину от ножки кровати. Ее кто-то отодвигал. Может, конечно, сам Андрей. Но я забралась на кровать коленями и просунула руку в щель между стеной и кроватью – и провела там по всей длине кровати. Моя рука наткнулась на что-то, похожее на книгу или... мой дневник!

И в эту секунду из-за двери раздался голос Андрея:

– У тебя все нормально?

– Да! – Я соскочила с кровати, схватила фен и крикнула: – У меня много волос!

Он открыл дверь, понаблюдал, как я сушу волосы, и спросил:

– Может, ты попить хочешь?

Пока я скакала по комнате, волосы мои почти высохли.

Я принялась пробормотав:

– Так вкусно пахнет.

– Еда с ресторана. Хочешь перекусить?

– Спасибо. Ничего сегодня не ела.

– Ну пойдём.

Я отключила фен и вышла из комнаты, держа его в руках. Занесла фен в ванную, а затем прошла на кухню. Сумку я нарочно оставила в спальне, чтобы у меня был шанс за ней вернуться.

Мы ели сочный бифштекс из мраморной говядины, греческий салат, пасту с кусочками лосося, рулеты из баклажанов с сыром, а на сладкое – фруктовый салат с ягодами, медом и орехами.

Мы с Денисом часто ходили в тот ресторан, я всегда обожала их фруктовые десерты.

– Не расскажешь, что с тобой приключилось? – спросил Андрей.

Я помолчала, а затем призналась:

– Это мой парень... он ударил меня...

– Тот, калека? – изумился Андрей.

Я кивнула, а Андрей хмыкнул.

– Никогда бы не подумал.

– У него сложный характер.

– И тебе оно надо?

Я промолчала. Мы доели. Я засобиралась, искала сумку, а потом якобы вспомнила, что забыла ее в спальне. И побежала забирать.

Я сразу же кинулась на кровать, просунула руку в щель и вытащила свой черный дневник. У меня сердце подскочило высоко-высоко. Я только и успела сунуть его в сумку, но так и осталась сидеть на кровати, когда вошел Андрей.

Он удивленно уставился на меня, я смотрела на него, не в силах принять решение, как поступить. Я нашла что искала, дневник у меня, я могла бы просто сбежать, ничего не объясняя. Но тогда Андрей при встрече с дочерью непременно расскажет ей, что встретил ее заплаканную подругу у дома всю в крови и пригласил к себе. Я не знала, можно ли его просто попросить никому не рассказывать о том, что я была здесь. И потому я пошла ва-банк.

– Андрей, – прошептала я, сползая на край кровати. Я встала и, быстро шагнув к нему, поцеловала. Он явно не ожидал, потому что даже ответил мне. И пусть наш поцелуй длился какие-то секунды, но был неожиданно страстным. А затем Андрей схватил меня за плечи и отстранил. От него дивно пахло, так утонченно и согревающе и в то же время освежающе. Аромат – музыка, подобная чарующей «Лунной сонате» Бетховена. Лиричное «Adagio», в котором изящно переплелись мандарин, бергамот и лимон; оживленная «Allegretto», словно вихрь из мяты, лаванды, корицы, мускатных и розовых орехов; и эмоциональный и яростный взрыв «Presto», в чьем роскошном древесном кружении витали амбра и мускус.

Мгновение мы смотрели друг на друга. А затем Андрей разжал пальцы, и я, не устояв на каблуках, плюхнулась на кровать.

– Вы очень красивый мужчина, – сказала я.

Он даже не смутился, взирал на меня с любопытством и долей удивления. Наконец холодно сказал:

– Иди домой.

Боже! Не будь я так счастлива, что мне удалось выкрасть дневник, я бы озаботилась вопросом самооценки. Она была не на высоте последнее время благодаря мужчинам,

которые меня отталкивали. Денис, теперь еще и папаша Стефы. Можно подумать, я Квазимодо.

Я решила завершить игру красиво, поняв, что мне ничего не грозит. Улыбнулась, потянула наверх подол платья и отклонилась на кровать, удерживая себя руками.

– Хочешь меня?

Я добилась своего, Андрей прочел надпись на моих трусиках и рассмеялся.

– Ты сексуальная чертовка, сладкая, как сливочная ириска. – Он шумно втянул аромат моих духов. – Ириски все любят, но с ними всегда велик шанс остаться без пломб. – Андрей сделал движение пальцем, указав сперва на меня, затем на себя. – Это плохая идея. Найди себе нормального парня.

Я одернула подол, грустно опустила ресницы и негромко спросила:

– Как думаешь, Стефа поймет? – взглянула на него.

Он чуть вздернул бровь, из его глаз исчезло всякое веселье. Я внезапно поняла, что шутки кончились, и поспешно пробормотала:

– Наверное, ей не понравится, что мы целовались...

– Мы не целовались, – прорычал он, сдернул меня за руку с кровати и потащил в прихожую. Я только и успела схватить сумку.

– Как скажешь, – выдохнула я.

Он взялся за ручку входной двери, но открывать ее не спешил, испытывающе смотрел на меня. Я знала, чего он хочет: того же, чего и я. Сохранить все в секрете.

– Знаешь, Стефе совершенно не обязательно знать, что ты вообще встретил меня...

На его лице было написано облегчение, он даже изобразил подобие улыбки.

– Пусть это останется между нами.

Я облизнула нижнюю губу, пообещав:

– Если ты сможешь держать язык за зубами, я тоже со своим как-нибудь справлюсь.

– Чудно. – Он толкнул дверь, распахивая ее передо мной. – Удачи.

Я вышла уже за порог, но что-то заставило меня обернуться и спросить:

– А если бы мне было восемнадцать?

– Спроси меня об этом, когда тебе будет восемнадцать.

И он захлопнул дверь.

* * *

На следующий день мы с девчонками готовились приступить к осуществлению нашего плана. Я чувствовала себя так, словно должно было произойти что-то значимое в моей жизни, примерно как сдача экзаменов или переезд. У меня было отличное настроение. За ночь я сумела кое-как примириться со своей совестью, и теперь ничто меня не беспокоило.

Но когда я увидела на первом уроке Лию, мое отличное расположение духа выбросилось в окно.

Моя врагиня сияла, точно солнце. И в лучах ее милости окружающие принимали солнечные ванны. Она столь беззаботно болтала с одноклассницами, собрав вокруг себя целую толпу, что создавалось впечатление, будто ничто на свете ее не волновало: ни я, ни Кира с Яной, ни дневник с компроматом, ни отношения с Денисом.

Яркости Лие придавал и ее наряд: ярко-желтое недлинное классическое платье из

габардина с длинным рукавом, черные туфли и того же цвета сумочка. Ослепительно.

На ее фоне мои модные голубые рваные джинсы и строгая черная водолазка смотрелись скучнее некуда.

После того, как Данила выгнал Лию вчера с занятий по плаванию, я рассчитывала увидеть ее на следующий день как минимум мрачной. Я, конечно, знала, что она первоклассная актриса, но так мастерски разыгрывать беззаботность вряд ли смогла бы даже эта мошенница. У нее определенно был повод для радости. Интересно какой?

Яна тоже заметила и проворчала:

– Чего это она такая счастливая?

– Радость Лии – это всегда ее личное торжество чьего-то фиаско, – фыркнула Кира.

– Мы пока не могли нигде оступиться, – сказала я.

Кира покосилась на Лию.

– Надеюсь.

На большой перемене вместо обеда мы приступили к исполнению нашего плана. Пока Яна отвлекала преподавательницу по кулинарному искусству рецептом из Интернета, мы с Кирой проникли на кухню, забрались в холодильник, достали пакет с карточкой, на которой было написано «Лия».

Кира тоже ходила на кулинарные курсы. Сегодня они должны были готовить мороженое с кусочками шоколада. Мы вскрыли молоко Лии и насыпали в него соли, в какао сыпанули молотого черного перца, а в сливки добавили соду.

– Приятного аппетита, – пробормотала я, когда мы, никем не замеченные, выскользнули из класса по кулинарии.

В столовую, конечно, не успели, но мы были сыты нашей мезьей. Следующим был свободный урок, и я написала Денису.

Тef: «Что делаешь?»

LI\$: «Смотрю сайт своего универа».

Тef: «Что интересного?»

LI\$: «Да так... думаю, оно надо мне было? Четырехногий адвокат. Смешить присяжных».

Тef: «Эй! Что за пессимистический настрой?»

LI\$: «Забей. Как там в школе?»

Тef: «Обычно. Какие планы на вечер?»

LI\$: «Лия тащит меня на выставку какого-то художника».

Тef: «Интересно!»

LI\$: «Не очень!»

Тef: «Не хочешь, не иди. Ты не обязан вести светскую жизнь и изображать из себя тонкого ценителя искусства!»

LI\$: «Ну, не знаю...»

Тef: «Денис, для Лии не имеет значения, идти на выставку или провести вечер дома с тобой. И если идея с выставкой тебе не нравится, просто скажи своей девушке об этом».

LI\$: «Спасибо, Тef! На курсы психологии записалась?»

Тef: «☺».

LI\$: «Ну а ты чем займешься сегодня?»

Тef: «Все скромно! Пицца и новый сериал».

LI\$: «Завидую!»

Tef: «Ты всегда можешь присоединиться, дорогой друг!»

LIS: «Очень заманчиво...»

Глава 5

Ее имя «Расставание»

Я вылетела из класса кулинарии, едва сдерживая ярость. У меня перед глазами стояло искажившееся от отвращения лицо преподавательницы, когда она попробовала мое мороженое. Я ей заявила, что мои продукты кто-то испортил, а она вздохнула и сочувственно проворковала: «Неудачи случаются у всех, к этому нужно относиться проще, Лия».

Я умела готовить пять сортов мороженого. Относиться проще? Да что бы она понимала! Чтобы хоть как-то успокоиться, я позвонила Денису.

О своем провале на курсах я ему, конечно, не рассказала. Призналась, что жду не дождусь нашей встречи, на что он заявил:

– Слушай, я не особо хочу идти на выставку...

– Почему? – воскликнула я.

– А что, нужны причины? – вспыхнул он.

– Нет, просто мы обсуждали это... Ты сказал, что хотел бы пойти. Я достала билеты...

– Хочешь, верну тебе за них деньги? – предложил он.

– Денис... – Я медленно выдохнула, стараясь, чтобы голос звучал ровно и не слишком эмоционально. – Не нужно мне ничего возвращать.

Повисла пауза.

– Ну... сходи тогда без меня.

– Ты это делаешь, потому что я не пошла с тобой в кино? – подозрительно уточнила я.

– Что? Нет, Лия! Я просто не хочу идти на выставку.

– Ладно. Чем займемся?

Он помолчал.

– Я думаю, тебе стоит сходить, правда. Не нужно из-за меня отказывать себе в удовольствии. Мы с тобой можем увидеться завтра. Тогда и придумаем.

Когда я швырнула телефон в сумку, внутри все дрожало, а глаза горели от непролитых слез.

Дома я отдохнула после школы, потом надела бежевое ретро-платье миди в белый горошек с прилегающим верхом и пышной юбкой и поехала к Денису. Я решила, что найду к нему перед выставкой и, возможно, сумею уговорить поехать со мной. А если нет, в конце концов, останемся дома и проведем тихий вечер вместе.

Но дверь мне открыла Ольга Константиновна и сказала, что с Денисом я разминулась, он только что ушел к Стефе, они договорились посмотреть какое-то кино у нее.

– А, уже ушел, – кивнула я, точно это не было для меня новостью, и изобразила улыбку.

А на лестнице, уже не сдерживаясь, я расплакалась.

Но уединиться тут было невозможно, постоянно кто-то туда-сюда ходил. И я поскорее вышла из дома.

На улице, проходя мимо любимого ресторанчика Дениса, я услышала:

– Это уже становится нехорошей традицией.

Я огляделась и увидела Андрея. Он сидел за ноутбуком в ресторане у открытого окна и пил вино.

Мужчина насмешливо улыбнулся и приподнял бокал.

Я же отвернулась и молча прошла мимо.

Но успела услышать, как он крикнул мне вслед:

– Не стоит он твоих слез!

Но я знала, что стоит. Денис стоил куда больше, чем глупые слезы. И я была готова сражаться за него до последнего вдоха. Может, сегодня девочка из Харабали победила, но завтра будет новый день.

Я посидела на остановке и привела себя в порядок, подкрасила глаза, подправила пудрой тон лица и отправилась на выставку. Глупо отказываться от оплаченного развлечения, раз уже все равно ничего не изменить.

Я, конечно, могла заявиться к Стефе домой на правах подруги, она же не сказала Денису, что мы больше не дружим. Но я не знала, какова причина, почему Денис отказался провести вечер со мной. Потому что хотел провести его со Стефой или же совместные планы с подругой появились после того, как он сказал мне, что не пойдет на выставку?

Его поведение вызывало у меня бесконечные вопросы. И с приездом Стефании их появилось еще больше. Одно радовало – дневника больше нет. Вряд ли она сделала ксерокопию.

Выставка проходила в парадной одного дома на канале Грибоедова. Посетителям предлагалось прогуливаться по лестнице вверх и вниз, рассматривая стены, украшенные картинами. Эта идея показалась мне интересной, поэтому я так стремилась попасть на мероприятие. И в основном тут все были парами или же целыми семьями, компаниями.

Возможно, Денис плохо себя чувствовал, и подъемы по лестнице на выставке напугали его. Однако же он спустился без лифта со своего последнего этажа и поднялся до третьего этажа в доме Стефы.

За рассматриванием картин я отвлеклась. Художник писал в стиле гиперреализма, картины столь детализированные, точно фотографии. У Елагина была очень интересная серия картин под названием «Любовь», где он изобразил чувства, эмоции и события, связанные с отношениями, в виде людей.

Например, «Ревность» была маленькой рыжей косматой девочкой, в одной маминой туфле и с перекошенной от злости мордашкой. Она держала в одной руке общую фотографию группы детского сада, а в другой – иголку, которой она выколола глаза девочке на снимке, держащей за руку симпатичного мальчика. «Влюбленность» была юной босоногой девушкой с развевающимися волосами, которая со всех ног неслась с горы, расставив руки в стороны, точно хотела объять весь мир. «Разлука» же – печальная женщина, сидящая у запотевшего от дождя окна, что пальцем выводит на стекле «197 км». «Потеря» являла собой сморщенную старуху, стоящую перед могилой.

Я остановилась напротив картины, где была изображена бледная черноволосая девушка в белом платье. На груди у нее была кровавая прореха, а ее взгляд, полный растерянности и страха, был устремлен на ладонь, в которой она держала половину сердца. А позади нее, в тумане, едва различался силуэт уходящего мужчины. И звали девушку, чье сердце было поделено, «Расставание».

– Нравится? – спросил кто-то.

Я обернулась.

Позади стоял молодой парень лет двадцати, в белой майке, открывающей рельефные руки, в голубом джинсовом комбинезоне, с подкатанными низами и в черных кожаных сандалиях. Но все это не имело никакого значения, его образ приковывал внимание кое-чем

поинтереснее! У него было красивое лицо с правильными чертами, пухлые губы, глубокие прозрачно-голубые глаза, ямочки на щеках... и розовые волосы. Его естественный цвет, видимо, светлый, судя по бровям, потому нежно-розовая краска легла так ровно и естественно у корней, точно это был его натуральный цвет.

Я сама не знала, нравится мне или нет, но что-то было в этой картине до дрожи близкое мне и знакомое. Я уже однажды пережила расставание, я была той самой девушкой с картины. И сейчас я испытывала смущение, как если бы, глядя на эту картину, кто-то мог увидеть в девушке меня. В то же время я испытывала мучительное удовольствие от того, что художник столь талантливо сумел передать этот миг, когда осознаешь расставание.

– Нравится, – промолвила я и внезапно решила: – Я ее даже, пожалуй, куплю!

– А она не продается, – улыбнулся парень.

– Правда? – изумилась я. – А как же надпись при входе, что после выставки посетители смогут купить себе любую понравившуюся картину?

– Да, посетители могут. Но эта картина не продается. Тебе ее не продадут.

Я вскинула брови.

– И почему же?

– Потому что она будет напоминать тебе о прошлом. Я наблюдал за тобой. Глядя на нее, ты грустила.

– Пожалуй, – согласилась я, – какая наблюдательность.

– Таким девушкам, как ты, не стоит грустить о тех, кто уходит в туман.

– Хорошая попытка, у тебя такой тонкий метод съема, – усмехнулась я, – так значит, ты и есть художник?

Он протянул мне руку, но мою не пожал, а коснулся губами.

– Никита.

– Лия.

– Я бы хотел тебя нарисовать.

– У меня есть парень. И вряд ли ему это понравится.

Никита пожал плечами.

– А у меня есть девушка. Могу рисовать тебя в присутствии наших пассий. Согласна?

Я улыбнулась. Он был забавным. И ответа моего ждать не стал, положил руку мне на пояс и предложил:

– Давай я покажу тебе другие картины?

Он водил меня по всей выставке, рассказывал о своих работах, когда и где он их писал, что его вдохновляло.

Ему было двадцать, после девятого ушел из школы и уехал с матерью во Францию, где в дальнейшем и получил диплом художника. Полгода назад вернулся в Питер и поселился в квартире бабушки, которая переехала к дочери во Францию, поближе к младшим внукам. Как раз в парадной дома его бабушки и была организована выставка.

Картину «Расставание» мне так и не продали. Я даже хотела разыграть обиду, но Никита шепнул мне: «Она тебе не нужна!» – и пригласил к себе, где, по его словам, была еще сотня картин.

Никита обладал непосредственностью и очарованием ребенка, сексуальностью мачо и незаурядным умом. С ним было легко и приятно общаться. Зайти к нему я отказалась. Тогда он предложил меня подвезти. Он водил белый «Купер»-кабриолет.

Когда мы выехали на набережную, Никита вставил в магнитоу флешку, заиграла

мелодия «Романтическое столкновение».

– Франсис Гойя? Любишь инструментальную музыку? – спросила я.

Парень взглянул на меня, и его полные губы тронула мягкая улыбка.

– Слова песен все опошляют. Я предпочитаю разговоры с музыкой по душам.

– Ты занимаешься чем-то помимо картин?

Он кивнул.

– Я арт-директор в крупной компании. Ну а ты мне о себе совершенно ничего не рассказала. Откуда же ты, такая красивая?

– Ты уже знаешь мой адрес, – рассмеялась я.

– Где ты учишься?

– В школе.

– Серьезно? – удивился он. И сразу как-то погрузнел.

– В одиннадцатом.

Я не любила оправдываться перед парнями, что мне меньше лет, чем им бы хотелось.

Поэтому я умолкла и отвернулась.

Никита покосился на меня и заверил:

– Это не имеет значения. Я всего лишь хочу тебя нарисовать!

– Может быть, – сказала я.

Мы подъехали к моему дому. Никита вытащил смартфон и попросил:

– Дай мне свой номер!

Я продиктовала, он тут же позвонил мне и радостно объявил:

– Теперь мой есть у тебя. Увидимся?

Я кивнула, хотела вылезти из машины, но Никита меня опередил, выскочил и открыл передо мной дверь.

Когда подходила к парадной, я не сразу заметила, что в тени кто-то стоит. А когда увидела, мое сердце резко подскочило. Это был Денис. Он молча смотрел на отъезжающий кабриолет.

– Денис, – выдохнула я и шагнула к нему, но он отступил.

– Хорошо провела время?

– Да. Я познакомилась с хозяином выставки Елагиным, он подвез меня до дома.

Денис хмыкнул.

Ну почему, когда он рядом, я оправдываюсь, точно в чем-то виновата? Вот и Денис так подумал.

Он обогнул меня так, чтобы ненароком не коснуться, точно ему противно, и пошел прочь, бросив:

– Мне пора.

– Денис!

Он даже не обернулся. Тогда я не выдержала и крикнула:

– Ну а ты! Хорошо провел время с подружкой?

Денис остановился, я добежала до него и, заглянув в глаза, прошептала:

– Я зашла к тебе перед выставкой, хотела остаться с тобой дома. Но, кажется, тебя не интересовала ни выставка со мной, ни что-то еще... со мной.

Он молчал, и я прибавила:

– Что между нами происходит?

– А что-то происходит? – В его голосе сквозило столько холода, словно в прошлом году

не произошло примирения и вообще ничего не было.

И внезапно мне закрались мысли: а что, если Стефа давно показала ему дневник и он все знает, просто не сказал мне?

– Денис, ты хочешь быть со мной? – спросила я.

– А ты?

– Разве тебе это не очевидно?

– Лия, иногда даже самые очевидные чувства могут быть ошибкой.

– Мои чувства не ошибка!

– А я в этом не уверен!

– И что мне делать?

Он опустил глаза.

– Я, может, никогда и не выздоровею. И не смогу так ловко открывать перед тобой двери в машине. Да и машины у меня не будет...

– Так все дело в этом? – недоверчиво воскликнула я. И с облегчением обняла его, прижавшись к нему крепко-крепко. – Я думала, ты больше не любишь меня!

– Я не могу не любить тебя, – тихо сказал он, зарываясь в мои волосы и глядя по голове.

Я осторожно поцеловала его в губы.

– Это самое главное. А со всем остальным мы справимся.

Мы стояли обнявшись под фонарем, и мне казалось, что теперь уж нас ничто на свете не разлучит.

* * *

– Ну как у тебя с Денисом продвигается? – спросила Кира, когда мы шли от гардероба до кабинета, где проходил первый урок. На ней была рваная кислотная футболка, джинсовые черные капри и лакированные босоножки в тон футболке с длинной шнуровкой. На плече небольшая сумочка на серебряной цепочке.

– Продвигается, – не желая вдаваться в подробности, сказала я.

Кира бросила на меня недоверчивый взгляд. И тогда я не удержалась:

– Вчера он прокатил Лию с выставкой и пришел ко мне смотреть кино.

Уважение, с которым посмотрела на меня Кира, дорогого стоило.

Мы и в самом деле провели отличный вечер, но когда он думал, что я не вижу, он смотрел на телефон. То ли следил за временем, то ли проверял, не пришло ли ему СМС от Лии. Если он так хотел ее увидеть, почему не пригласил к себе? Уж я точно знала: никакая выставка не заставила бы Лию отказаться от вечера с Денисом. Я его не понимала, но в любом случае его решение провести время со мной, а не со своей девушкой мне льстило.

Да и дело не только в этом. Рядом с ним я чувствовала себя счастливой. Вот стоило его увидеть, и внутри все приходило в движение и кружилось-кружилось, а еще было просто невозможно утаить улыбку.

– Приятные воспоминания? – заметила Кира.

Я поняла, что иду и бестолково улыбаюсь. В расписании первым стоял русский язык. Учитель – разведенный мужчина сорока лет Павел Дмитриевич, он же вел курс по писательскому мастерству, который так любила Лия.

Мы прошли в класс, учитель куда-то вышел, но на стуле стоял его черный портфель, куда

Кира очень ловко и незаметно подкинула письмо, которое я полночи сочиняла. Утром, когда показала его Кире, она долго ухахатывалась, а потом объявила: «Годнота!» Кира купила духи Лии «La Vie Est Belle», что в переводе «Жизнь прекрасна», и не жалея опрыскала конверт и само письмо, дабы доказать, что жизнь может быть не так уж и прекрасна. Повторить почерк госпожи Оболенской, думаю, никому было бы не под силу, поэтому я набрала письмо на компьютере и распечатала его.

Урок прошел спокойно. Павел Дмитриевич пока не обнаружил письмо, но у нас еще четвертым уроком у него же стояла литература. Так что веселье впереди!

Однако я снова испытала досаду, видя, что Лия сияет от счастья. Я не понимала, чему она радуется. Неужели выставка ее так вдохновила? Или же она не усмотрела в нежелании Дениса идти с ней что-то страшное? Нет, Лия не глупа, она должна была заподозрить что-то неладное. Почему же этого не происходило?

Я понимала, что быстро уничтожить такую персону, как Лия, не получится. Но как же мне хотелось видеть Лию не сияющей от счастья и как всегда прекрасной, одетой со вкусом и знающей себе цену, а бледной, раздавленной, в блузке с жирным пятном, которое бы рассказало мне все об отчаянии своей хозяйки.

А пока все было так: Лия явилась с шикарной прической, завитыми локонами, закрепленными на макушке десятком шпилек Swarovski. На девушке была белая блузка, короткие коричневые шорты с черным тонким ремнем, того же цвета плотные колготки, в тон шортикам замшевые ботиночки. Вместо сумочки она пришла сегодня с изящным черным кожаным рюкзачком.

Кире тоже не нравилось, что Лия пребывает в отличном настроении. И тогда она на физике принялась кидать мне записки. А одну из них кинула чуть ли не в учительницу. Та демонстративно развернула записки и прочла всему классу: «Как вчера прошел твой вечер с Деном?»

Я наблюдала за Лией, но та не выглядела удивленной, чем озадачила меня еще больше. Значит, Денис ей все рассказал, значит, они близки куда больше, чем я рассчитывала! И я снова задумалась: не следовало ли мне, сразу как приехала, просто отдать ему дневник? Как я буду выглядеть, если все-таки сделаю это? Лучше поздно, чем никогда? Или...

В столовой, сидя напротив Киры, уплетающей пиццу, я переписывалась с Денисом.

Tef: «Денис, угадай, что идет без ног?»

LI\$: «Я – на костылях?»

Tef: «БОЖЕ! Нет!!»

LI\$: «Тогда не знаю!»

Похоже, у него очередной приступ меланхолии, связанный с его недееспособностью. С чего бы?

Tef: «Ну как всегда! А ведь я так здорово все придумала! Я загадываю загадку, ты отгадываешь, и я... ☺»

LI\$: «Лааадно! Я погуглил. Ответ: «время»!!»

Tef: «Проведем его вместе? У меня есть потрясная идея!!!»

LI\$: «Прости, Тэф, мы с Лией сегодня уезжаем. Давай в другой раз!»

Tef: «ОК! ☺»

Tef: «Куда вы, если не секрет?»

Денис долго не отвечал, я даже подумала, он вышел из Сети, но в итоге он все-таки написал:

ЛШ: «Просто вылазка за город. Мне пора!»

Его ответ показался мне уклончивым, но я не почувствовала себя вправе расспрашивать. Если бы хотел, он бы рассказал.

За перепиской я забыла про обед, в итоге йогурт с яблоком отправились в сумку.

Зато на четвертом уроке литературы стало очевидно, что Павел Дмитриевич получил наше письмо. Он встречал учеников у двери и запускал в кабинет, как мне показалось, приносиваясь к девочкам. И когда мимо него прошла Лия, одарив лучезарной улыбкой, он втянул носом шлейф ее духов и проводил таким потрясенным взглядом, что других доказательств нам с Кирой было не нужно: он вычислил автора письма.

Глава 6

Белое платье

Я стояла перед зеркалом в комнате, поочередно прикладывая к себе комплекты своего самого лучшего белья. На вечер и эту ночь у меня были грандиозные планы.

В дверь раздался стук, и еще до того, как я успела что-то сказать, вошел мой отец.

– Папа! – укоризненно воскликнула я, быстро накидывая шелковый халатик.

– Чем занимаешься? – спросил он, как-то нехорошо глядя на меня.

Я недоуменно приподняла вешалки с бельем:

– А что, не очевидно?

– Мне очевидно, – медленно произнес он.

– В чем вообще дело?

У него были карие пронзительные глаза и тяжелый взгляд, от которого хотелось спрятаться. В светлых волосах практически не была заметна седина. Крупный, высокий и широкоплечий, своим присутствием он превращал мою довольно просторную спальню в какую-то тесную кладовку.

Отец полез в карман пиджака, достал какой-то листок и протянул мне.

– А вот в чем!

Я взяла листок и, развернув его, пробежалась по тексту глазами:

«Я узнаю вас в каждом мгновении этого мира! Ваши глаза – это мед в солнечный день, а голос – тот же мед, что льется в чан с ложки, густой, обволакивающий и такой сладкий. Ваша улыбка заставляет меня дрожать, точно осинový листок под натиском ледяного осеннего ветра. Я мечтаю, чтобы ваши руки, такие сильные и мужественные, руки, которые касаются моей тетради, прикоснулись и ко мне. Я люблю вас. Покажите мне, что и я вам не безразлична!»

– Что это? – скривилась я.

– Ты мне расскажи, дочка!

Я отшвырнула листок.

– Понятия не имею. Какой-то пошлый роман!

– А знаешь, как называется этот роман?

Я дернула плечом.

– И как?

– Твоя тайная жизнь! – Отец поднял листок, поднес его к носу и сказал: – Не лги мне!

Что тебе понадобилось от этого старого козла?

– Ты о ком?

– О преподавателе по писательскому мастерству, будь он неладен! – взорвался отец. –

Меня вызвали в школу и вручили вот это, – брезгливо сморщился он, глядя на листок.

– Пап, я впервые это вижу.

– Преподаватель говорит, ты подкинула письмо ему в сумку. – Отец встряхнул письмом. – От этой бумажки за версту несет твоими духами, Аврелия!

Когда он называл меня полным именем, ничего хорошего ждать не приходилось.

– Меня кто-то подставил.

– Что ты несешь! – еще больше разозлился он. – Ты учишься в школе, а не на

политической арене крутишься волчком! Подставили ее!

– Папа...

– А я-то думаю, чего она бежит два раза в неделю к этому литераторишке! – Он смял в кулаке письмо. – Все. Ноги твоей больше на его дополнительных занятиях не будет. Поняла? – Он шумно выдохнул. – Тебе это вообще ни к чему. Писать романы! Ты поступаешь в следующем году на факультет политологии! Где кафедра политического управления и где журфак – чувствуешь разницу?

– Но папа! – вскричала я. – Послушай!

– Рот вымой, прежде чем говорить со мной! – И он хлопнул дверью.

Я плюхнулась в кресло, посидела так минут пять, а потом вскочила и принялась дальше выбирать наряд. Ничто не испортит мне сегодняшний вечер и ночь.

Я облачилась во все белое. Выбрала боди из эластичного кружева с бретелью через шею и соблазнительным глубоким вырезом. Чулки, короткое платье с корсетом и пышной юбкой. Корсет зашнуровывался спереди на алую ленту. В тон ей туфли и клатч.

Проходя мимо кухни, я крикнула:

– Мам, я поехала!

– Куда это она поехала? – раздался недовольный голос отца. А затем голос матери:

– К Денису.

– Дома пусть сидит.

Я испуганно замерла. Он ведь не серьезно? Только не сегодня! Я влетела на кухню.

– Мама!

– Лия, солнышко... – начала она, но отец ее перебил:

– Ты останешься дома. Точка. – Он окинул меня с ног до головы бесстрастным взглядом. – То, что она убегает к Денису, это еще неизвестно!

Я вынула из клатча телефон.

– Позвони ему и спроси!

Отец упрямо качнул головой, отчеканив:

– Можешь снимать с себя эти бесстыдные тряпки! Ты остаешься дома!

– Мама, – умоляюще прошептала я.

Моя прекрасная, ухоженная светловолосая и голубоглазая мама, которая даже дома всегда была накрашена и одета со вкусом, одарила отца своей самой очаровательной улыбкой.

– Миша, может...

– Нет, – оборвал он и махнул мне рукой: – Аврелия, уйди с моих глаз! Сиди в своей комнате, пока не начнешь говорить отцу правду.

Я поняла, что все бесполезно. Если уж мама не смогла его смягчить... Переупрямить отца мне никогда не удавалось. Я вернулась в спальню и швырнула сумочку в кресло.

Взглянула на часы. Денис уже наверняка меня ждал. Я достала из клатча телефон и, с минуту подумав, нажала в быстром наборе цифру 1.

– Ну, где ты? – раздался в трубке голос Дениса.

– Денис... я не смогу сегодня. У меня дома неприятности.

– Что у тебя случилось?

– Я потом расскажу. Извини, не могу сейчас говорить.

– Помочь тебе чем-то?

– Нет.

– Ну ладно... тогда... пока?

– Пока.

Отложив телефон, я закрыла глаза и так сидела минут пять, успокаиваясь. Будь все проклято! Если Стефания и ее приспешницы думают, что им сойдет с рук эта мерзкая записка, то они просто идиотки. Я мечтала стереть их с лица Земли за нашу испорченную с Денисом ночь. Но я понимала, что если и дальше буду накручивать себя, то я не найду выход из неприятной ситуации с отцом.

Через двадцать минут усиленных раздумий я прошла в гостиную, где в кресле, уже переодетый в халат, сидел отец с книгой.

– Смотрю, ты не переоделась до сих пор? – поднял он глаза от книги.

Я присела на подлокотник кресла и кротко сказала:

– Пап, давай поговорим.

Он захлопнул книгу и воззрился на меня.

– Ну давай. Только без вранья!

Я покорно кивнула.

– Помнишь, раньше мы с тобой много времени проводили вместе?

– А какое это имеет отношение к делу? – прищурился он.

– Мне кажется, пап, что мне стало не хватать твоего внимания, и я... – тихо вздохнула, – стала заглядываться на мужчин старше.

– Ты меня в этом винишь? – потрясенно воскликнул он.

– Нет, просто говорю как есть. Павел Дмитриевич очень хорошо ко мне относился, давал советы, помогал мне... и мне показалось, что я влюбилась в него. Но наверное, это не по-настоящему, да? Я ведь люблю Дениса.

– Конечно, не по-настоящему! Ерунда это все!

Я закрыла лицо руками.

– Мне так стыдно. Как теперь в школу идти?

Отец вздохнул и, приобняв меня за плечи, проворчал:

– Пойдешь, как всегда! – Он похлопал меня по плечу. – Ну, ошиблась, с кем не бывает. А если этот козел будет тебя ущемлять на уроках, ты мне скажи, дочка!

Я кивнула и положила голову отцу на плечо.

– Прости меня. Тебе очень стыдно было за меня?

Он отмахнулся.

– Ерунда! Главное, чтобы ты эту дурь выкинула из головы, понимаешь?

– Да. Когда я с Денисом, я совершенно не думаю о Павле Дмитриевиче. Вот только...

– Ну чего ты умолкла?

– Да так... у нас с Денисом не все гладко.

– Почему? Вы поссорились? Ты же к нему бежать собиралась?

– Нет, не поссорились. Мы редко видимся, и я чувствую, что мы отдаляемся. Мне одиноко, и тогда я начинаю придумывать... ну ты понял. – Я встала с подлокотника. – Ладно, пап, пойду приму ванну.

Уже у дверей он меня окликнул:

– Подожди. Ты сегодня с Денисом договорилась, можешь идти к нему, если хочешь.

– Правда? Я пойду? Спасибо, пап.

Я улыбнулась. Иногда, когда тебя в чем-то несправедливо обвинили, проще принять это и признать, что совершила ошибку, чем доказывать свою невиновность. Люди любят, когда

грешники каются. А грешникам – им что, одним грехом больше, одним меньше – в сущности, не имеет значения.

Я долетела до дома Дениса на крыльях любви и счастья и позвонила ему. Он долго не отвечал, а когда наконец услышала его голос, то выпалила:

– Я все уладила! Едем?

После паузы он сказал:

– Извини, я отменил бронь.

Моему разочарованию не было предела. Но я решила, что отчаиваться рано, и предложила:

– Давай просто поедem в любой отель, где будет свободный номер?

Он помолчал, а затем пробормотал:

– Не думаю, что это хорошая идея. Если все сорвалось, наверное, сегодня просто не наш день.

– Возможно, – промолвила я. – Тогда, может, сходим куда-нибудь или...

– Лия, когда ты сказала, что все отменяется, я... я сейчас не дома.

– А где?

– В кино.

– А с кем?

– Со Стефой. Ну ты сама говорила, что она в своей деревне никуда не ходила, ну вот я и...

– А-а, ясно. – Мне большого труда стоило сохранить голос веселым. – Ну давай, отдыхайте, созвонимся потом.

Я обернулась и, увидев свое белое отражение в витрине ресторана, почувствовала себя так глупо, что захотелось разреветься. Но я лишь несколько раз глубоко вздохнула и побрела к остановке.

Встреченные прохожие, особенно мужчины, обращивались мне вслед.

В клатче завибрировал телефон, я выхватила его, надеясь, что это звонит Денис сказать, что передумал и едет ко мне. Но это был Никита. Он без предисловий объявил:

– Хочу тебя нарисовать. Когда я нахожу необычный типаж, у меня прям ломка начинается. Выручишь?

Каким же он был забавным! Я предложила ему забрать меня с остановки. И через десять минут он приехал. И я в который раз подумала: что же не так? Почему все прочие парни готовы мчаться ко мне со всех ног, а Денис, которому я предложила на эту ночь себя, выбирает кино с рыжей деревенской клухой!

На заднем сиденье лежали мольберт, холсты и чемоданчик с красками.

– И где же ты будешь меня рисовать? – уточнила я, садясь в машину.

Парень восхищенно оглядел меня и выдохнул:

– Ты неотразима! А где ты была?

– Не важно. Теперь я здесь.

Он улыбнулся. Сегодня на нем был вязаный голубой кардиган, прямо на голое тело, потертые рваные серые джинсы и голубые кеды на босу ногу. Что и говорить, одевался он довольно экстравагантно. Со вкусом и при этом с какой-то маниакальной простотой.

Он привез меня к сталинскому дому с колоннами, расположенному в начале улицы Куйбышева, открыл передо мной дверь машины, вытащил мольберт, холсты и чемодан с красками, затем повел меня в парадную. Ему открыл по домофону какой-то Вадик. Идея с

«порисовать» мне стала нравиться все меньше. Находиться в квартире с двумя незнакомыми парнями – не слишком хорошая идея.

Однако в квартиру мы не пошли. Никита привел меня на крышу, откуда открывался великолепный вид на Петропавловскую крепость и Троицкую площадь.

– А как ты в темноте будешь рисовать? – спохватилась я.

И тогда он подошел к краю крыши и принялся распутывать удлинитель, который, видимо, тянулся из квартиры того самого Вадика, открывшего нам дверь.

– Да будет свет! – провозгласил Никита. И крыша озарилась сиянием сразу двух прожекторов.

Парень установил холст на мольберт и раскрыл чемоданчик.

– А что мне делать? – спросила я и призналась: – Меня никто никогда не рисовал.

Никита попросил подождать минутку и куда-то ушел. А вернулся со старым плетеным креслом, куда и усадил меня. Он предложил мне принять любое удобное положение.

Тогда я села в кресло боком и закинула ноги на подлокотник, а на другой – облокотилась спиной.

* * *

Мы возвращались из кино по набережной Невы, обсуждая фильм и смеясь. От воды тянуло прохладой, а вообще вечер выдался теплый, как летом. Денис даже снял джемпер и повязал на пояс, оставшись в черной футболке.

Еще никогда прежде мы не были ближе. Не в плане физически, а духовно. Я так ему и сказала:

– Денис, можно, я признаюсь? Только обещаю не смеяться!

– Ну, признайся!

Я остановилась, перевесилась через ограду набережной и, глядя на воду, где плавали огоньки фонарей, сказала:

– Мне кажется, я встретила родственную душу.

– Серьезно? – Он оперся на костыли. – И кого же ты встретила?

– Тебя. – Я улыбнулась.

Денис хмыкнул.

– Так вот как это называется!

Я заглянула ему в глаза, подозрительно уточнив:

– Ты не смеешься?

– Нет.

Какие же красивые у него глаза. И губы. И эти кудри...

Я подалась к нему в импульсивном и неконтролируемом желании поцеловать.

Но он отшатнулся. Мы замерли, повисла неловкая пауза. А потом он поспешно сказал:

– Стефа, извини, я...

– Не извиняйся. – Я опустила голову, глядя на носки своих туфель. – Не знаю, что на меня нашло.

Мне было так больно и обидно. Я боялась, что не выдержу и заплачу.

А он с облегчением вздохнул и пробормотал:

– Ну да, мы уже это проходили: я самовлюбленный питерский парень, ты гордая и

разборчивая.

Я кивнула. Мы молча, не сговариваясь, пошли по тротуару. Молчание затягивалось.

– Нам теперь должно быть неловко друг с другом? – спросил он.

– Все нет. – Я покосилась на него. – Извини меня. Просто у тебя глаза красивые.

– Хм... Теф, ты издеваешься надо мной?

– Немножко. – Я через силу засмеялась.

А он внезапно спросил:

– Ну а что с Даней?

– Ничего. Я больше не люблю его.

– Быстро ты...

– Меня Вова на свидание зовет, – похвасталась я. И самой стало смешно от своих слов. В прошлом году я вот так хвасталась перед Денисом тем, что в меня влюблен Максим – лучший парень в моей школе в Харабали. Вот только этот Максим потом влюбился в мою лучшую подругу и до сих пор счастлив с ней.

– Кто такой Вова?

– Бывший твоей.

– А-а... мальчик голубых кровей! Ну-ну... Пойдешь?

– Ага.

– А что, у него тоже глаза красивые?

– Просто невообразимые! И фамилия ничего!

Мы засмеялись. И вроде бы все стало как прежде. Но я-то знала, что теперь все по-другому. Знала ответ на свой незадачный вопрос: что будет, если я попытаюсь его поцеловать? Ничего. Он любит Лию, а не меня. Я для него всего лишь подруга – смешная полненькая девочка из Харабали, поселившаяся когда-то в доме напротив и развеявшая его вселенскую скуку.

А может, к черту все? Пусть будет счастлив с Лией, если сумеет. А я уж как-нибудь...

Но что-то внутри с таким предложением было не согласно. Сердце болезненно сжималось, а в животе щекотало что-то легкое и воздушное. Может, это бирка нового сиреневого свитшота терлась о кожу или бабочки в предсмертных конвульсиях трепыхались внутри, а может, гамбургер никак не мог перевариться.

Денис проводил меня до парадной.

На прощание я попросила:

– Только не говори Лие, что я... она меня убьет.

– Да не убьет. Она теперь другая. Но я, само собой, могила.

Мне хотелось крикнуть ему, что он ошибается на ее счет, но я промолчала. Кажется, я приняла решение.

Я вошла в парадную, подождала, когда Денис отойдет подальше, вышла и побежала к дому отца.

Андрей был дома и, к счастью, один. Мне почему-то совершенно не хотелось смотреть на его милых Мил. Он был в черном халате, с мокрыми волосами – только вышел из душа.

Я сказала, что на минутку. И устремилась в его спальню, объяснив:

– Я тут спрятала одну свою вещь.

Забралась на кровать, просунула руку в щель, пошарила, но ничего не нашла. Тогда я скомандовала:

– Помоги-ка отодвинуть кровать!

Андрей отодвинул кровать.

– Что ты ищешь?

Я заглянула под кровать, перевернула всю постель – дневник пропал.

– Это ты его взял? – с бешено колотящимся сердцем спросила я. И умоляюще прошептала: – Скажи, что ты! Пожалуйста!

Андрей покачал головой.

– Я ничего не брал. А что ты тут спрятала?

– Личный дневник.

Андрей закатил глаза.

– А лучше места не нашла?

Я со стоном упала на кровать и, закрыв лицо руками, застонала. А потом меня осенило:

– Может, какая-то твоя подружка его взяла? Он такой черный, на замке!

– А давно он там лежал?

– Нет, не больше недели!

– Я никого не приглашал к себе в последнее время.

– Никого-никого?

Он пожал плечами.

– Говорю же...

Я еще раз все перерыла, но итог был тем же – дневник исчез. И тогда я горестно сказала:

– Она здесь была, да? И ты не сказал мне? Почему? Как она заставила тебя молчать?

Андрей смачно выругался.

Я с ужасом посмотрела на кровать и вскочила с нее, точно ошпаренная.

– Боже! Она была в твоей койке?

– Нет! То есть... твою мать! – Он поднял глаза к потолку. – Мы не спали! Если ты об этом! Просто она разыграла прекрасный спектакль. Твоя вещь, вероятно, у нее. Мне жаль.

Какая же дрянь! Забраться в постель к моему отцу, чтобы заполучить дневник! Кто на такое вообще способен? А я-то посмеивалась, пряча дневник за кровать Андрея, уверенная, что Лия никогда тут его не найдет. И даже если я напрямую скажу, где искать, достать его ей не удастся. О, какая же я все еще наивная!

Я вылетела из квартиры Андрея, меня трясло от ярости. А я-то, дура, собиралась сжечь злосчастный дневник или просто отдать его Лии. Потому что понимала: пока у меня есть рычаг давления на нее, я не успокоюсь. Глупо сдаваться, если у тебя на руках козыри. Но Денис отшатнулся, когда я хотела его поцеловать. И я поняла, что не осмелюсь это повторить. Он мне дорог, он любит другую, идти против Лии – это идти по чувствам Дениса. Но теперь, когда я в очередной раз осознала, какой вероломной может быть эта девушка, ни о каком отступлении речи быть не могло. С дневником или без него – Денис обо всем узнает!

Глава 7

Без вина виновата

Она подлетела ко мне, точно фурия, перед первым уроком и выплюнула:

– Ну ты и тварь!

Я лишь улыбнулась. Победителей не судят.

На ней было однотонное красное приталенное платье – короткое, с рукавами три четверти. На ногах черные босоножки на невысоком каблуке. На плече изящная черная сумка.

И я с некой досадой отметила, что сегодня девочка из Харабали шикарна. Ничего лишнего – стильная и эффектная. Я же надела черно-белые клетчатые легинсы, высокие черные сапоги и черную тунику.

– Я, конечно, знала, что ты на многое пойдешь... но забраться в постель к моему отцу!

– Ты и в самом деле меня не знаешь, поэтому всегда будешь в проигравших. Я заберусь в постель к самому дьяволу, если понадобится.

Стефания покачала головой.

– Знаешь, зачем я пошла к отцу за дневником? Чтобы вернуть его тебе.

Я пожала плечами.

– Упс. Так чем ты недовольна? Он уже у меня, подруга! – Я ей подмигнула и зашагала в класс.

Целый день я наблюдала, как Стефа с Кирой о чем-то совещались. Я понимала, что стоит ждать нового удара. И сегодня я позаботилась, чтобы мои продукты для курсов по кулинарии были герметично закрыты. Я не могла дождаться, когда приготовлю потрясающий торт со сливочным кремом и снова стану лучшей в глазах преподавательницы.

После звонка с последнего урока в коридоре меня поймал Вова. Он был одет в черные джинсы и светло-голубую рубашку – этакий пижон.

На его запястье я заметила золотой браслет, который я ему подарила.

– Чего тебе? – холодно спросила я.

Он попытался обнять меня, я его оттолкнула, но Вова применил силу и прижал меня к стене, удерживая мои руки.

– Я все еще люблю тебя, – сказал он и, прижавшись губами к моей шее, вдохнул аромат духов, прошептал: – Я скучаю по тебе.

– Отпусти меня.

Но он не услышал меня, положил голову мне на плечо и шепнул:

– Нам же хорошо было вместе.

Тогда я сладко шепнула ему в ответ:

– Мне – нет.

Он обжег меня взглядом.

– Ты обманываешь, нарочно так говоришь!

– Зачем? Я никогда не любила тебя. Я использовала тебя. Ты – мое ИП.

Он яростно толкнул меня. А затем сорвал с руки браслет и швырнул его мне под ноги.

– Надеюсь, он никогда не будет ходить нормально!

Я дала ему пощечину. А он рассмеялся и мстительно прибавил:

– Так и будет, вот увидишь!

Я посмотрела ему вслед. Вот уж не думала, что он захочет меня простить. Я собиралась поднять браслет, но передумала и пошла на курсы.

Вошла на кухню, повязав передник и платок на голову, когда преподавательница всем представила:

– Девочки, у нас новенькая. Стефания Гуртова. Стефа, как и мы с вами, тоже очень любит готовить. Добро пожаловать в семью!

Ее только здесь не хватало! Но я, конечно же, изобразила приветливую улыбку. И решила, что, если Стефания задумала меня отвлекать своим присутствием, ничего у нее не выйдет. А именно это она и задумала, поскольку за длинным столом заняла место рядом со мной.

Мы замесили тесто для коржей, вылили в специальные формочки и поставили их в духовой шкаф. А тем временем занялись приготовлением крема и карамельного соуса для пропитки.

Стефа действовала довольно ловко, она явно готовила дома. Но внезапно раздался грохот и вопль:

– Лия!

И мисочка с кремом Стефы упала на пол, содержимое разлилось.

– Ты специально? – яростно смотрела на меня Стефания.

Преподавательница подошла к нам.

– В чем тут дело?

– Лия скинула со стола крем Стефании, – возмущенно встряла Кира.

– Лия? – удивленно вскинула брови Рита Петровна. – Извинись перед Стефой, наверняка это вышло случайно, и помоги ей с новым кремом!

– Я этого не делала, – спокойно сказала я.

Но рыжая прохвостка расплакалась и забормотала:

– Ну конечно... ты нарочно. Какая же я дура, что пришла сюда. Ты моей семье нигде покоя не дашь!

Рита Петровна потрясенно переводила взгляд с меня на Стефу и обратно.

Кира подлила масло в огонь:

– Стеф, да наплюй ты на нее. Давай я тебе помогу! – и она направилась к нам.

Преподавательница строго кивнула мне на разлитый по полу крем.

– Убери.

И тогда я пошла по пути наименьшей сопротивляемости. Я покорно кивнула и сказала:

– Извините, Рита Петровна. Прости, Стефа, я не заметила твою миску и случайно ее задела. Я все уберу.

Преподавательница одобрительно похлопала меня по плечу.

– Ничего страшного, Лия, на кухне всякое случается. Стефа, не переживай.

Надо было видеть, какими взглядами обменялись подружки.

Я подняла с пола миску и вытерла шваброй пролитый крем. Я думала, что на этом конфликт исчерпан, но я ошиблась, Стефания сняла передник.

– Мне лучше уйти.

– Стефания, не нужно так реагировать, ничего страшного не случилось, – мягко заметила преподавательница.

Но Стефа покачала головой и размазала по лицу лживые слезы.

– Вы не понимаете... – Она кивнула на меня. – Эта... Эта... Она переспала с моим отцом! Я видеть ее не могу. – И Стефания бросилась к двери.

[Купить полную версию книги](#)